

Время жизни

Автор:

Роман Корнеев

Время жизни

Роман Корнеев

Три героя отсылают нас к финалу текущего столетия, началу XXII века и концу третьего тысячелетия по земному исчислению. Майкл пытается разобраться в том, что заставляет чувствовать окружающий его мегаполис враждебным и смертельно опасным. Улисс ищет врага вовне и внутри корпорации, пытаясь отыскать причину гибели соратника. Миджер боится сгинуть ни за что в пылающей вокруг космической битве. Но все трое начинают подозревать, что настоящий враг – ближе, чем они думали.

Время жизни

Роман Корнеев

I wish for this night-time

To last for a lifetime

The darkness around me

Shores of a solar sea

Oh how I wish to go down with the sun

Sleeping

Weeping

With you

Nighwish, Sleeping Sun

© Роман Корнеев, 2021

ISBN 978-5-4485-0996-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Крыша дышала густым запахом раскалённого металла, солнце жарило так, что даже привычные тропики нижних уровней казались курортом с побережья Северного океана. В таких местах, посреди царства пыльного железа и скрипящей на едва уловимом ветру паутины проводов, нормальный человек задерживаться не станет. А если вспомнить состав здешнего воздуха, полный скорее угарным газом, чем кислородом, то невольно ловишь себя на мысли – зачем ты сюда забралась, беги отсюда, беги...

Толку от этих мыслей было немного. Во вводной сказано чётко – «пациент» попытается прорваться здесь, и тебя не должны волновать его планы, пот у тебя между лопаток и сухая бетонная крошка у тебя под языком. Что бы он здесь не искал – он не должен пройти мимо. Ни живым, ни уже мёртвым. Сделаешь дело – смотаешься на север, а хоть бы и на юг, через море – там суше, там нет этого вечного запаха гниющих в бетонных недрах рек, там нет и людей. Тишина, пустота.

Взять с собой портативный кондиционер на солнечных батареях, накрыть участок берега куполом, и прохлада, и в ультрафиолете не изжаришься. Говорят, там всё побережье измазано в остатках нефтяной плёнки – со времён последнего «мирного» раздела шельфов много осталось там лежать железных островов. Но ведь и чистого берега полно – только поищи получше, а море там уж получше будет, чем на загаженной Балтике или в тех районах, где полвека назад подлодки ядерные тонули косяками. У давних войн есть свои плюсы – на гиблое место не возвращаются, пока не припрёт, а там, глядишь, оно уже и почище иных обжитых мест стало. Помню, чиновники Корпораций рванули скупать земли в Чернобыльской Зоне. Грибы, лоси, экология, кто бы подумал. Умные люди жуткие деньги нагрели на этом.

А что, прикупить себе кусочек побережья... кто это его там контролирует, «Сейко»? Нет, «Джи-И», кажется. Ну вот. И деньги-то смешные. Мне с этой операции такое обломится, что... Что? Ты сначала сработай, а потом рассуждать будешь, куда деньги деть.

Пришлось переложить «локхид» в левую руку. Пот стекал по ладони липкой струёй. Мерзко, даже самой ядрёной химии хватает максимум на полчаса, потом – сама, девочка, сама. Организм не железный, так и сорвать резьбу недолго. Дышать теперь глубоко, потеть – сильнее, пока хватит мешка с плазмой. Верхние уровни хороши, когда ты за гермоэкранами и кондиционированным воздухом. А если «пациент» не явится вовремя? Что будет сигналом к отступлению, если сказано было – брать во что бы то ни стало? Или собирать барахло и шлёпать вниз, обшаривать уровни там, пока с ног не свалишься?

Никогда бы за такое не взялась, если бы не серьёзное отношение Дяди, если бы не эти проклятые кредиты. Что б тебе в задницу жадность свою засунуть, планы эти грандиозные. Как теперь быть, если что. Этак угодишь сама в «пациенты», Дядя такой. Рассказывал, подлюка, про то, что сам Отец в курсе операции и держит руку на пульсе. Пусть он, хмырь такой, хоть в заднице у себя её держит. Родственников всяких у меня есть и в других местах, на вас свет клином не сошёлся.

Не нашёлся ещё такой заказчик, кто захотел бы с меня лишнего причитающегося взять. И не потому что я ошибок не допускаю – всяко бывает, расслабишься, а то и переусердствуешь – просто со мной им не совладать.

Неприятно всё это, очень странно и неприятно. Пахнет от этого всего... не паскудством очередным, паскудств я за свою жизнь насмотрелась. Сама бы ещё и не такое замутила, дай только повод и цель. Но нужные люди держат эту планету так, что в свои игры особо не поиграешь. Если же это какая-то неизвестная мне сила... пахло это дело тайнами, к которым я никогда не рисковала приближаться ближе чем на два радиуса. Потому что пользы от таких в неправильных руках – чуть, а вот смертушка чья-то на них написана крупным и ясно различимым шрифтом. Верь потом, не верь, а загадывать даже я не стала бы.

ТЬфу ты, чёрт!

У моего правого локтя показалась чёрная крысиная морда. Жёсткие вибриссы прошуршали по ткани комбинезона, короткий цокот коготков шархнул в сторону и исчез в скрипучем переплетении железа. Так, отсюда надо выбираться до темна. Сожрут. Целиком сожрут, как есть. Неприятное место, нежилое. И заметить эту охоту вовремя даже тебе вряд ли удастся. Местные крысы могут зажать в тупике грузовик, показавшийся им съедобным, и от него останется лишь груда железного хлама. Водителя объедят последним. Бывали случаи.

И если Дядя думает, что я готова за его кредиты ложиться под зубки миленьких крысок... Хотя, что себя обманывать, дело тут вовсе не в кредитах. И не в крысах. Никуда я не денусь, буду молча ждать, пока они не справятся с ботинками. Меня они и не заметят, если воли хватит. А там уж... по обстоятельствам. Можно и ампулу перекусить, хоть город почище станет. Знайте, если где-то начали дохнуть крысы, значит, они съели нечто неудобоваримое, навроде меня.

Чёрт, что я такое несу... Хреновое нынче лето, если такие мысли в голову приходят. «Пациент» пошёл непростой. И не огорчаться же этому факту, ведь ценят, доверяют, не шелупонь всякую пугать посылают. Один хрен, дерьмо кругом. Ну, будешь ты плавать в калоотстойнике почище, зато запах там самый что ни на есть ядрёный гуляет. Смертью там пахнет. Не моей и не этого парня, что я тут жду, а смертью тысяч и миллионов. Хотя, у каждого – своя цель в жизни. У меня вон нашлись и для такого неприятного дела.

Чутьё меня никогда не подводило, ведь ещё тогда, в кабинете с подозрительными тонированными стёклами в глубинах башни, я подумала:

«Не просто так это всё, не просто так». А как? Что в этом такого – подловить доходягу их ненавистных «белых воротничков» на крыше, обездвигнуть, отдать бригаде по доставке. Только поручили это дело почему-то мне. Я лишена тщеславия, «работник» с подобными комплексами долго не живёт, но ведь если так – значит, справлюсь только я. Да и то – справлюсь ли? «Пациента» разрешено убивать, но оставить целой голову. Если его можно убивать – почему не сделать это проще, без этих цирковых представлений на крыше. Сто раз переспрашивала – обычный менеджер? Да, самый обычный. Дело показывали. Настоящее, из самых надёжных архивов. Уже странно. Если этот парень чем-то и опасен, об этом никто ничего выведать так и не смог. Чёрт-те что.

Я позволила себе чуть повернуться на бок, чтобы скомпенсировать угол атаки левой, несколько непривычной руки. Так и лежать было удобнее. Если бы хоть это невесть откуда взявшееся солнце зашло, нет же никаких сил...

Лёгкая, едва заметная дрожь чьих-то шагов прошла по бетону, загудела в коробах, задрезжала металлом и затихла. Услышал ли кто-нибудь ещё это неуловимое эхо? Хотя, ведь крыса почуяла раньше. Они всегда чувствуют и дают сигнал таким, как я. Где есть крысы, профессионал не пойдёт... значит, всё-таки меня натравили на лопуха. Зачем?

Бесконечная вереница вопросов без ответа металась у меня в голове, не находя выхода. Остановись, пока не поздно, слишком много сомнений для твоей пустой головы. Выбора всё равно нет.

И снова едва различимый отголосок звука. Щелчок перекидываемого предохранителя. Или просто скрип отмыкаемого где-то внизу запора. Не поймёшь.

Я ещё подумала и всё-таки вернула «локхид» в правую. Нужна стопроцентная гарантия. Потому что я ещё внизу твёрдо решила – брать живым было необязательно, а это, в моём случае, означает приговор. И если, в случае чего, мне всё-таки придётся заглянуть в тот бездонный колодец, что таится внутри меня... нет, нужно сработать собственными силами, без этих безумных танцев с заёмной силой. Меня снова, как обычно, пробрал озноб. На этой жаре он ощущался сущим безумием. Нет, безумием было думать, что я не справлюсь.

Позади с глухим воем заработали лопасти воздуховода. Явственно понесло палёным. Вот дерьмо, если «пациент» покажется здесь раньше расчётного – я буду глухая, как уборщик взлётных палуб. Получасовой промежуток тишины должен был начаться ровно за минуту до его здесь появления... Ненавижу придуманные другими планы, доверять я могу только самой себе.

Я лежала в струе вонючего раскалённого ветра и злилась на себя, на весь мир, на того бедолагу. И что его понесло именно сюда, что ему до этих крыш, где спрятаться легко, а уйти от погони – почти невозможно.

Гул стих так резко, что в ушах заложило. Пару раз неслышно сглотнув, я завертела головой в поисках хоть какого-нибудь звука. Ага. Идёт. И не особо-то таится, шаг неровный, дыхание сбито. Спешит.

Спеши, спеши. Такой-то ты нам и нужен.

С ужасным скрипом откинулся пластиковый щит, грохнул о бетонный парапет крыши. Химия в быту. Бывает полезно применить кое-какие химикаты при подготовке площадки к встрече «пациента». Внизу загрохотали кованые сапоги – услышали. Помешать мне завершить начатое они не успеют, а вот его нервничать заставят, ей-ей.

Но где же он сам? Стоит возле тёмного проёма люка, оборачивается в поисках опасности. Бывал здесь, запомнил, что скрипеть не должно. Только зря вертишься, заметить меня тебе не удастся, и звуков я не издаю.

А вот и он. Светлая голова с огромными залысинами над ушами подтвердила мою вводную – по дрянной фотографии толком ничего не поймёшь – точно, клерк среднего звена, или лабораторная крыса тоже не из верхнего эшелона. Денег на нормальную медицину нет, нет и особых талантов. Хорошо. А вот теперь покажи мне свои руки...

Видимо, решившись, «пациент» шагнул вперёд, разворачиваясь ко мне боком. На нём был мешковатый комбинезон и хорошие, крепкие ботинки полувоенного образца. Руки его были пусты, хотя в карманах что-то топорщилось. Хорошо. Не успеет выхватить, даже если сработают рефлексy. Говорят, сейчас любого можно научить сделать последний выстрел – даже с выжженным мозгом, даже без головы, с перебитым позвоночником, на звук, на вспышку. Безусловный

рефлекс, как опорожнение мочевого пузыря. Чёрт его знает, как они это делают, на себе пробовать не собираюсь, да и подставляться под это дело – дураков нет.

В ухе тихо пискнуло, и едва заметный отблеск проектора на стёклышке очков повёл «пациента», давая нацелить «локхид». Хвастаться этой операцией не придётся. Свои тонкие умения у самой грани безумия мы оставим на будущее. Мне очень не нравятся такие задания, чтоб их. Я подобные дела, что говорить, ненавижу. А потому – раньше уберёмся отсюда, так и хорошо, меньше нервов, спокойнее спать будешь.

Второй писк плавно повёл курок на себя, направляя пулю прямо в левый желудочек. Ещё мгновение, и «пациент» упадёт, обездвиженный шоком от удара, и под ним будет медленно собираться горячая липкая лужа. Выскочить из укрытия и проверить на предмет всяких неприятных сюрпризов – дело секунды. Технике не доверять, сама, сама. А там уж...

Подгадав под удар сердца, контакт замкнулся, срывая с места смертоносную каплю обеднённого урана, мгновенно раскрывшуюся в жуткую «чашечку цветка», которую так ненавидели все мои коллеги по бизнесу. Грубая работа.

Звука почти не было, мне не нужна была запредельная пробивная сила, так что на глушитель я не поскупилась. Пусть он упадёт поскорее...

М-мать! Он упал слишком рано, «розочка» с глухим шлепком вошла в бетон, выбросив в воздух серое облако пыли. А я даже не вижу, куда он там скатился.

И как же только он меня засёк! Я промашек не делаю, так твою растак!

Одним рывком «локхид» защёлкнут на карабин у пояса, в руках уже короткий и с виду неказистый, но грозный на близких расстояниях «паук». Очередь веером прогрохотала поверх чёртового бетонного блока. Где же ты, братишка? Где же ты, тварь такая?

Два коротких взгляда по сторонам, поле моего нутряного зрения привычно распаивается навстречу миру, и вот я юлой скольжу по часовой стрелке, пока он там пытается отдышаться в каменной пыли. Впрочем, отдадим ему должное, кашля не слышно. Даже бывшее частое дыхание исчезло, растворилось в тишине. Зараза, что ж я тебя не вижу-то!

Так, засада не удалась, теперь будет охота по всем правилам. Резкий кистевой бросок, и серый окатыш загромыхал по бетону. Очень хорошо имитирует шарканье каблуков при беге. Ну же, покажись, выдай себя, ты же нервничаешь, ты же помнишь о тех, что внизу... они несутся сюда, за тобой...

Есть! Навскидку, волчком поднимаясь с пола, я пустила теперь уже точно прицеленную очередь – на звук, на движение, с выходом ствола вниз по диагонали, чтобы наверняка зацепить...

Он снова меня провёл, сволочь. Я только успела заметить его тень в противоположной стороне. Бесцветные патлы мелькнули за краем крыши.

Проклятая проволока, я чуть не повалилась, бегом прорываясь через этот железный лес. Ух, не похвалят меня за такое, чтоб им всем...

Закинув «паук» за спину, я на последнем шаге активировала магнитный контур костюма, разом перестав звенеть железом, и тут же, с разбегу, швырнула себя через парапет. Струи плавленного воздуха плеснули меня по лицу, картинка опрокинулась, превращаясь в водоворот падения. А вот и он, серым пятном едва выделяется на фоне смога. Спешит раскрыть крыло. А я-то думала, где этот костюмчик видела. Ладно, и у нас на этот счёт найдётся девайс. Только догонять тебя придётся в свободном полёте. Голову, говорите, нужно оставить целой... чья вам голова важнее – его или моя?

Не моя, это уж точно.

Чёрная мгла в глубине моего сознания. Ты напросилась. Пусть я буду раскаиваться в этом выборе всю оставшуюся жизнь. Но выбора-то у меня и нет.

Мир вокруг разом стал шершавым, как абразивный диск, весь в искрах, лезвиях, через него продраться – только теряя собственную плоть – клочьями, кусками. Теперь он мой, мои в нём правила. Господи, как жутко...

Серые иглы башен проносились мимо меня в стремительном вихре. И падать тут долго, даже вот так. А целит он на ту площадку этажами пятьюдесятью ниже, шестой уровень. Нет, мне нравится другая. Ещё чуть дальше.

Да, вот сейчас.

Сминая, переламывая уже успевшие полностью раскрыться в полёте крылья, я с налёта швырнула его вниз. Удар был ошеломителен даже для меня, а ведь я была к нему готова. Мгновенно верх и низ снова перепутались, с трудом возвращая мне чувство направления. Наше стремительное падение я чувствовала буквально кожей – по то повышающейся, то снова понижающейся температуре сырого ветра, бившего в лицо, по растущим теням погрузочных платформ.

Силуэт «пациента» мелькнул где-то позади, пусть думает, что оторвался от меня. Это я решила его опередить. Медленно и расчетливо сосчитав до трёх, я рванула мир на себя.

Раздался натужный хруст, ляжки от забытой в горячке полёта амуниции со свистом резанули мне между ног. Так, спокойно. Теперь приземляемся штатно. Отпускаем свой непрошенный подарок, расстаёмся с шершавым привкусом на языке, успокаиваем сердце. Так лучше. Я справлюсь сама, мне ничего не нужно.

Пиропатронов хватило лишь развернуть подушку купола да частью реактивной силой погасить смертельно опасную скорость. Секунду спустя их визг сменился хрустом – крыло зацепилось за арматуру, так что я едва сумела вовремя отстегнуть отработавший своё клубок ремней и разорванной в клочья ткани.

Моё кошачье везение не подвело – только каким-то чудом я не напоролась ещё на один штырь, чёрт знает для чего здесь воткнутый. Удар по ногам после всей этой воздушной акробатики был очень кстати, вернув мне необходимое – ориентацию в пространстве и чувство возвращения. Я в точности на выбранном мною пятачке в тридцати метрах ниже того места, куда хотел уйти «пациент». А раз так...

Сверху на меня пикировала большая безумная птица, которая решила завершить последний полёт в объятиях своего смертельного врага. Остановку ты уже пропустил, чудак, а на пассивном крыле следующий ярус уже оставит от тебя лишь груды костей в мясном фарше. Отчего-то ты слишком хочешь жить. А потому – больше тебе деваться некуда, иди к мамочке.

Холодный, необычайно холодный для этой жары пластик скользнул мне в ладонь, обвивая для верности хомутом запястье. Глаза прочертили трассу между дулом и большой птицей. В искусстве обращения с этим оружием важна ювелирная точность. Промахнись мимо нервного узла и наркотик сработает не так стремительно – жертва уйдёт, страдая лишь от жуткой мигрени, а то и просто погибнет зазря от болевого шока – искорёженная нервная система потом не скажет за «пациента» ни слова. Этот же... этот может просто довернуть, навсегда растворившись мёртвым, почти мёртвым мешком плоти в вязкой тишине и сумраке нижних уровней.

Правильно я не пыталась стрелять в прыжке, там и прицел не тот... а здесь он меня не видит. Для него я – тень, мелькнувшая в стороне. Прицелься точно, и спусти курок.

Серебристая ампула с коротким свистом ушла вверх, за ней сразу другая. Спустя пару мгновений большая птица комком изломанных перьев повалилась в двух шагах от меня. Множественные переломы, раздробленные в муку крупные кости, вырванные напроочь сумки суставов. Какое мне до них дело. Он уже не жилец – так, полуживая консерва для собственной памяти. Теперь он в моих руках.

Руки сами нашарили «ай-би» под подбородком, выдавая в эфир прямого канала: «крыса в норе». Пусть сами пеленгуют, да поспешают, если он погрёт до реанимационной палаты – их проблема. Я сделала всё, что от меня требовалось.

Я подошла к белобрысому «пациенту» поближе. О, я как-то сама пережила то, что он сейчас испытывает. Руки и ноги горят яростным пламенем, но не слишком сильно, на самом пределе, чтобы не дать ему погрузиться в бессознательное состояние. Постепенно ослабляется дыхательная функция и агонизирующий мозг заливают вязкая волна удушья.

Я смотрела в эти подёрнутые мукой глаза и удивлялась, как же изобретателен человек. Он готовит подобным себе такие изощрённые зелья, что заставили бы покраснеть от смущения того самого дьявола, которого все так часто поминают. Наркотик не давал бедняге умереть быстро, но лишал его возможности для борьбы. Вот такая сказка в небольшой ампулке. И ради чего всё? Ради славы? Денег? Скорее всего – просто ради возможности хоть сколько-то сносно жить, слетать на лето в Альпы, с тех пор, как там перевелись русские «партизаны», очень неплохое место. Тщета и тлен. Ненавижу таких.

О, а наш парень не сдаётся!

Я видела и зелёные пятна под ногтями, и знакомые фиолетовые в чёрную точку круги под глазами и у рта. Но он ещё пытался жить, пытался сделать хоть что-нибудь.

Увы, у тебя уже нет шансов. Твои ногти скребут по бетону, но двинуть рукой ты уже не в состоянии. Мышцы превратились в камень. И не смотри на меня так, ты сам во всём виноват.

Я быстро оглядела его, но кроме небольшого контейнера, что заметила ещё при первом контакте там, наверху, почти ничего не нашла – так, какие-то бумажки, карточки. Всё для верности отложила в сторону, поместив в пластиковый мешок. Пусть разбираются.

И тут я услышала голос, от которого волосы у меня на затылке встали дыбом. Он звучал словно у меня в голове, но исходил от него, от «пациента»!

Тебя отыщут. Ты совершила ошибку.

Это сказал он? Но вот же, лежит, выпучив глаза, кровавая струйка стекает у него изо рта – прокусил язык. Он не может говорить!

Запомни этот миг, теперь ты помечена.

И тут же его голова превратилась в месиво крови, осколков костей и ошмётков мозга. Чёрт! Это же... это же...

Я лихорадочно искала причину своего провала – имплантант, прямо в мозг, с крошечным зарядом, управляется непосредственно мысленными командами... чушь собачья.

Я бегала кругами, как последняя дура, вокруг холодного уже трупа, понимая, что так не бывает, и что я бы непременно почувствовала... толку. Нет, не может быть, все эти сказочные имплантанты существовали только в виде слухов среди нашего брата наёмника. А если бы и существовали, то не в голове никому не нужного клерка-лаборанта.

Что я такое говорю, обычный человек от меня бы не ушёл вот так, просто и легко, простого человека не пришлось бы догонять на пределе и за пределом твоих возможностей. Да и не ждала ты на этом задании обычного человека. Тебе удалось дважды ошибиться в одном «пациенте». Если так пойдёт дальше, можно тебя списывать со счетов.

И этот голос, которого не могло быть. Я скрюченными пальцами в последней надежде обрести уверенность копалась в окровавленных кусочках плоти, но ничего не находила. Ни одного осколка пластика или металла, даже тончайшего запаха чужеродного вещества не прорывалось сквозь металлический привкус сырой крови.

И только тут мне стало по-настоящему страшно.

Глава 1

Майкл

Лишённый настоящего – не живёт, лишённый прошлого – даже не родился. Не помню, кто так сказал, все эти книги за время полёта слились для меня в одну кашу. Но, возвращаясь в мыслях к своей жизни на Земле, я не могу не думать о Корпорации и я не могу не думать о той судьбе, что привела меня в Корпорацию.

Место, в котором я вырос, уже давно перестало быть сонным городком вдали от большого и шумного мира, пригороды мегаполиса надвинулись на него, сравнивая холмы и поднимая вокруг безликие башни дешёвого многоэтажного жилья. Чёрные кубы заводских зданий, облицованные поглощающей свет плиткой, казались средоточием тайн в тёмном и затхлом хаосе тысяч не интересующихся ничем лиц, на эти заводы пока ещё смотрели с вожделением – там была работа, а кому эти заводы принадлежали – тогда, в далёкие семидесятые, об этом никто не задумывался.

Я почти не помню, когда в нашей жизни появились Корпорации. Порой мне кажется, что они были всегда. Безликие хозяева мира, поначалу они были где-то

далеко-далеко. Не здесь. Быть может, на изгаженных просторах России, или в далёком и не очень понятном Китае. За океаном, а может, на юге, за необъятной разлившейся Сахарой. Это же просто город, говорил мой отец маме долгими вечерами, Европа растёт, всех этих мусульман надо где-то пристраивать, а земли из-за поднятия уровня океана всё меньше. Так должно быть, так будет лучше.

Отец бросил свою оранжерею, которая и без того уже почти не могла нас прокормить, и пошёл устраиваться на новую биофабрику, что в одночасье возникла за километр от нашего дома. Его новая работа помогла маме отдать меня не в ближайшую муниципальную школу, а в частное заведение, в которое нужно было ездить на монорельсе. Через два года, когда мне уже исполнилось восемь, отец умер. Внезапно и по неизвестной причине. Мама потом рассказывала о какой-то утечке биоматериалов, не уверен, что какие-то детали были ей действительно известны.

После смерти отца оставшийся никому не нужным хрустальный дворец на заднем дворе стал совсем чёрным, погрузившись в непроглядную тень недавно отстроенного многоквартирного дома. Мне пришлось перебираться в муниципалку, а маме – продавать дом давно охочим до нашего квартала агентам. Не прошло и года, как моё тайное убежище – память об отце под сводами некогда сверкавшего кварца – снесли, оставив на его месте лишь котлован очередного химического процессора. Тогда никто уже не пытался выделять спальные районы и промышленные. Земля вокруг мегаполисов всё дорожала, и её становилось всё меньше, а горные и заболоченные районы становились всё более пустынными – они были никому не нужны.

Оказавшись в среде типового жилья и типовой жизни, я неожиданно окунулся в мир, неизвестный взрослым, привыкшим к собственной жестокости, к собственным проблемам. Мир детства в каменных башнях мегаполиса, безумный мир государственных школ и изгаженных подворотен – это всё разом стало моим, заменив собой полузабытый мир живых цветов, мир частной школы с приветливыми учителями, мир родного дома.

А ведь я помню, что в детстве, которое закончилось для меня смертью отца, я читал какие-то книги, сколько же времени прошло, чтобы у меня снова появилось на это время. Жизнь на Земле сейчас такова, какова она есть. И даже развернувшееся исследование планет нас не спасёт. Так говорю не я.

Тогда же, осенью 84 года, я познакомился с тем, что на языке умников из комитета народного образования называется социальной адаптацией.

Проще говоря – пришёл домой весь в синяках, с разорванной курткой, без зуба, но зато с ободранными о чужие части тела кулаками. Мать причитала весь вечер, пытаясь прикинуть в уме, сколько там осталось на социальном счету, оставленном нам от щедрот после смерти отца. На новую куртку там явно не набиралось, пришлось отстирывать и заштопывать то, что есть.

На следующее утро я прихватил с собой из дома увесистую дверную ручку, вывезенную невесть зачем матерью при переезде. Я бы не сказал, что нравы, царившие в школе, меня сильно удивили – в нашем подъезде я уже успел навидаться многого. Разве что тот уровень звериной жестокости к чужаку. Как и всю мою последующую жизнь, опереться, помимо собственной детской решимости, мне было не на что.

В то утро я проскользнул мимо дежурившей на входе знакомой морды – понятно, года на два старше меня, как же иначе – чтобы успеть перед занятиями забежать в учсектор, где сунуть в окошко поддельное заявление мамы, чтобы мне заменили дополнительные классы по литературе на атлетику. Это мне казалось залогом успеха. Что хорошо, я уже тогда был парнишкой сухощавым, но резким и крепким. Я не собирался терпеть этих зверей, как терпели их другие.

Спортивный зал таким образом у меня значился чуть не каждый день, и уже в первый свой заход я, плюнув на крики учителя, пошёл в угол и долгих полчаса не говоря ни слова мутузил там облезую грушу, как мне показалось, очень ловко и больно. Пары замеченных на себе косых взглядов мне хватило, чтобы понять – я на правильном пути. На попытки своих новых товарищей по несчастью завести разговор я покуда решил не отвечать. Мне они не помогут. А там посмотрим. К слову, в тот вечер по дороге домой особых приключений со мной не случилось, что весьма обрадовало мою несчастную матушку.

На следующее утро я проснулся вполне прибодрённым, будущее виделось мне в более радужных красках, так что я даже не без удовольствия смёл с тарелки опротивевшую кашу, вытерпел провожающий поцелуй матери и побежал по лестнице – сверху вниз лифт в нашем доме останавливался только на каждом пятом этаже.

Стоит ли упоминать, что, не пройдя и квартала в направлении школы, я наткнулся на знакомую компанию, две-три физиономии выделялись свежими синяками – не хуже моих, ничем не хуже. Только противников на этот раз было совсем много. Они накинулись на меня молча, не дав издать и звука, оттащили в сторону под косыми взглядами случайных прохожих. На помощь мне никто не спешил, да я и не верил в такую помощь. Чего хотели от меня эти малолетние изверги? Да ничего.

Я как мог отбивался, а потом, с какой-то звериной решимостью, молча и изо всех сил вцепился зубами, руками, чем попало – в одного верзилу, которого можно было принять за их жожака. Яростное моё рычание заглушило собственную боль, а потом и оно ушло на задний план под истерическим воплем раздираемого на части моей яростью полубезумного, испуганного существа.

Меня оттащили какие-то мужики в заводской форме, вокруг обезображенного мною малолетнего подонка образовался тот молчаливый круг пустоты, который можно увидеть в зоопарках вокруг редких тропических гадов – никто не знает, на кого тот попробует броситься. Странно, но ведь среди этой шпаны было всего пара человек старше меня – остальные были и вовсе сопляками.

Я глядел сквозь кровавую пелену, и видел в глазах своих обидчиков ужас. Это было мне хорошим уроком. Не бойся смерти и боли – и ты сам станешь чужим воплощённым страхом.

И вот меня, расхлюстанного, едва умытого, отвели к директору школы, тот долго смотрел, потом коротко что-то сказал моей новой классной, а меня отпустил. За мной вроде как был установлен какой-то надзор, но я дураком не был, и в школе с тех пор оставался паинькой, а учился я хорошо, не то, что мои оболтусы-одноклассники.

Но до конца начавшегося мучения были ещё годы и годы, а пока я просто старался не расставаться с моей многострадальной грушей. А ещё, выходя за ворота школы, я теперь всегда доставал из-за пазухи здоровенный ржавый гвоздь. Это потом мне подсказали – загремишь, если что, в приёмник, а там и на малолетку. С тех пор, как в пятидесятые изменили законы, «по взрослому» сажали уже с десяти лет. А там и рудники через пару лет, как порт приписки.

Впрочем, мне об этом думать было рано, я ещё хотел побольше читать хороших фильмокигов, по-своему, по-звериному, по-детски любил свою маму, и даже учился с удовольствием, особенно если это была не бесполезная математика, а любопытная химия и самое главное – инженерия.

Постепенно, за первый год моей учёбы в социалке я обзавёлся и друзьями. Хотя нет, их скорее можно назвать лишь приятелями. Мы болтали ногами на переменах, травили детские до идиотизма анекдоты, жаловались на родителей. Одноклассники и вообще ровесники после той истории относились ко мне настороженно-миролюбиво, «пострадавшего» от моих ногтей и зубов ненавидели многие. А уж после истории с приходом в директорскую родителей этого кретина – жалобу писать – тут уж весы окончательно качнулись в мою сторону.

Я не припомню за последующее время ни единой стычки, в которой я бы участвовал, по крайней мере, что называется «всерьёз». Я вдруг стал какой-то отдельностоящей величиной в странной и запутанной иерархии детских банд. Со мной не хотели связываться, а потому ко мне можно было апеллировать. И ведь порой такого рассказывали про мои же напридуманные подвиги, что я только поражался. Вокруг меня собралось некоторое количество тех, кто не мог толком за себя постоять, они были забавными, эти ботаники социальных школ, они искренне считали, что знания могут их куда-то вывести. Я помнил судьбу своего отца и на знания не полагался, хотя и поглощал их с аппетитом. Мне нужны были мои кулаки, а уж потом какие-то знания. Всякие же малоутилитарные предметы вроде зоологии мне были интересны только как очередная сказка. Странно думать вот так, но ведь я когда-то был пусть довольно угрюмым и замкнутым, но всё-таки ребёнком, и меня забавляли многие и многие вещи. Но спортивный зал меня интересовал чисто практически.

На третий месяц учёбы в социалке я плюнул на олуха, который был учителем физкультуры младших классов и отыскал самостоятельно комнатёнку в учительском блоке, где было написано «Мартин Ки, тренер». О нём ходили странные слухи, но он учил драться по настоящему. Мы поговорили, как мне показалось, по душам. Он посмотрел на мои незаживающие от постоянного лупцевания груши кулаки и, хмыкнув, сказал, чтобы я приходил через полгода. Полгода я сомневался, таил планы мести, потом завязывал с этим, снова сомневался и так по кругу. Через полгода я снова решительно постучал в его дверь.

Так я начал заниматься серьёзно, задвинув остальной мир на задний план. Потихоньку взрослея, хотя и оставаясь тем сухощавым, не очень высоким мальчишкой, которого многие почему-то боялись.

Не припомню, чтобы наши занятия в полутёмном зале имели какое-то название, или хотя бы условную отсылку к существующей системе единоборств. Я, несколько мужиков разного возраста плюс какие-то старшекласники с прыщами через всё лицо и едва проросшими козлиными бородёнками, мы встречались, изображали друг на друге какие-то приёмы, нахватанные из разных школ боевых искусств, пытались находить болевые точки воображаемого противника (уж мне-то партнёр для спарринга доставался лишь от раза к разу), лупили кулаками по доскам и кирпичам, покуда и вправду те не начинали крошиться под нашими ударами. Помню, в одиннадцатилетнем возрасте я впервые сошёлся в чём-то похожем на схватку с самим Мартином. Тот молча положил меня на мат чем-то совсем обыденным, вызывающим сейчас только горький смех. Я красиво упал, как мне показалось, чётко хлопнув ладонью по мату, но, только поднявшись, почувствовал, как из носа хлещет алая и глупая кровь.

Это было занятно, давно я не видел своей крови. Я засмеялся и заработал тем самым крепкое рукопожатие. Больше я не позволял так с собой делать, я изворачивался невыносимо, готов был выбить себе колено или плечо, лишь бы не падать вот так, красиво и бесполезно. Потому что неважно, как красиво ты упадёшь, если потом некому будет подняться.

За это открытие я безмерно благодарен Мартину до сих пор, даже несмотря на то, что произошло между нами несколькими годами позже. Жизнь меняется, люди тоже. Тогда, в середине «тихих семидесятых» находилось мало людей, которые думали о будущем, пытались что-то создать, противопоставить болоту, поступавшему в самое чрево европейского общества из глубин Корпораций. К слову сказать, Европа тогда зажила, почти весь XXI век был её. Но, как говорится, вот уж это было последнее, о чём мне пришло бы в голову думать тогда, когда муравейник растущих мегаполисов ещё был для меня непонятной безбрежной страной несметных таимых богатств и светлого будущего.

Я думал, что выучусь, и найду себе дорогу в жизни, не стану сидеть на месте, как мои родители. Впрочем, тогда, в свои десять-одиннадцать лет я и об этом не думал.

Потому что вскоре на моём горизонте возникли тени, которых я не ждал.

Тёмное небо Имайна скользило над ним, погружая сознание в этот водоворот неосознанных мыслей, странных идей, тёмных звёзд, далёких планет. Скорч набухал в его венах болью непрожитых жизней, тенью неосиленных световых лет, громадой неосвоенной Галактики, имя которой было – Бесконечность.

Ветви юных деревьев колыхались вокруг него тайной неувядающей жизни, она была вокруг, царила, вопреки всему, вопреки невозможному. Он знал, что его собственная жизнь закончится неожиданно и непредотвратимо, он помнил о предначертанности бытия, он хранил в своём сознании те призрачные сигналы, что слали Соратники людям – весь этот сумрак железной длани судьбы, неодолимое сопротивление сотен величественных сознаний, что вычисляли и вычисляли предначертанность жизненного крута. И не могли в результате сказать самого главного – когда всё это кончится, когда зачнётся заря, которая распространится на всё Человечество, когда исчезнет страх и ненависть.

Когда наступит мир.

Язык матерей не мог, не умел описать все те экзистенциальные метания, что обуревали его душу, подхваченные топью скорча, язык же отцов был слишком груб, чтобы объяснить ему причину его боли и выход из того неодолимого тупика, в который угодило его сознание.

Девятнадцать лет. Половина жизни позади, а он не знает, что в этом мире может служить ему опорой, что скажет ему, какими императивами будет прирастать то будущее, что определит счастье потомков. Да и какие дети... язык матерей изобиловал словами, которых был лишён язык отцов, но и он не мог объяснить сути происходящего, этого неба над головой, этого чёрного колодца вокруг нас, готового поглотить жизни живущих и память умерших.

Где ты, мир, в котором будет жизнь, где ты, иная Эпоха бытия?!

Каждый день мог стать последним. Каждый день начинался с отзвука двигателей космических кораблей. Это могли быть карго-шпы космических станций оборонительного синуса Галактики, и тогда Имайн разом мог оказаться на грани голодной смерти – все семьдесят миллионов человек. Они не могли

спорить с существующим порядком вещей, воины Космоса нуждались в продовольствии ещё сильнее упрятанных в глубинах планетарных атмосфер человеческих созданий, никогда не покидавших своих гравитационных колодцев.

Это могли быть военные транспорты, которые забирали самых молодых, самых сильных, самых генетически полноценных, туда, в ночь бесконечной космической тьмы, на погибель. С небес возвращались считанные единицы. Седые, лишённые конечностей, развращённые постоянным ожиданием собственной смерти, облучённые всепроникающей космической радиацией, они занимали ключевые позиции в расшатанном постоянной войной социуме Имайна, не понимая своих потомков, покуда ограждённых от бушующей поодаль войны, они не ждали от общества жалости или благодарности. Они просто и эффективно в нём правили.

Потому что на месте карго-шипа могли оказаться чёрные громады безумных порождений далёкого космоса – рейдеры машинной цивилизации, не знающей жалости и не помнящей доброты. Враг, оказавшийся в пределах ЗСМ[1 - ЗСМ – зона свободного манёвра. Навигационный термин, означающий область пространства вблизи гравитирующих центров, лишённую краевых вихревых гравитационных возмущений, затрудняющих навигацию и, в частности, прыжки кораблей.] населённой планетарной системы, мог сокрушить любую орбитальную оборону, мог прорваться сквозь любой экран. И мстить, мстить, мстить...

За что?

Он тоже не знал, хотя всё силился понять. Права или неправа была мать, что старалась не напоминать ему лишний раз про курсы и сержанта-рекрутера. Прав ли был он сам, глядя в чёрное небо Имайна и дрожа от страха.

Скорч был для него той пещерой, в которой можно было упрятаться навеки, в которой его страх становился чем-то несерьёзным, невероятно далёким, чужим. И только небо, опрокинутое навстречу его глазам, было той реальностью, от которой не откупишься, от которой не избавишься.

Наутро скорч проходил, отступая на дальние границы сознания. Всё-таки химические дорожки к подсознанию лишь кажутся короткими, уводя его в такие

дали, что обратный путь может занять весь остаток жизни. Деревья качаются и улетают вдаль, птицы не поют, потому что их нет, светила встают и садятся, но есть ли им дело до него – испуганного человечка, которому не осталось места в этой жизни.

Миджер очнулся около полудня, очумевший после скорча, страшный, с трудом понимающий, где он и что он. Тьма с ними, с постэффектами, химия давала отдых сознанию, оттягивая окончание бала всё дальше и дальше. Его беспокоило не то, как отреагирует мама, узнав о содеянном, его беспокоила сама его жизнь. Она началась не сегодня и не вчера, но она может закончиться завтра или послезавтра, и он не может ничего, ну ничегошеньки этому непреодолимому течению противопоставить.

Миджер поднялся со смятой койки, кое-как её заправил, написал извинительную записку маме и вывалился вон.

На улице – светало.

Плеться кое-как по пыльной дороге, Миджер всё пытался вспомнить, когда он последний раз ел. Надо было остаться, позавтракать, ещё было время, но шанс встретиться с матерью был слишком велик – а показаться ей с этими красными глазами и трясущимися руками... это было выше его сил, пытка почище голода и жажды.

– Не хочешь её огорчать... так не огорчай, бестолочь.

Плевков полетел куда-то под ноги, забился в пыль и исчез. Самому бы так исчезнуть. Чтобы никого не видеть.

На пищефабрику он явился с получасовым запасом, из его смены никого не было, но грозная фигура Остина уже привычно торчала за прозрачным пластиком наверху. Миджер махнул тому рукой, не удостоившись в ответ и намёка на внимание. Попробуй опоздать – вот тогда получишь в полной мере.

Чаны конвекторов шеренгами шагали куда-то в полутьму цеха, пахло кислотой и пролитыми реагентами. Ночная смена постаралась. Начнём с уборки, заодно развеемся. Хищный оскал раструба самоходной уборочной установки громко завыл, но двигалась та медленно и отчаянно скрежетала.

Тяни-толкай, а что поделаешь, тратить ресурсы на автоматы поддержки считалось неверным, убирали всё больше просто – руками. Человек живёт и размножается почти что сам, дай ему воздух, пищу и тепло. Хотя, пищу он умеет и выращивать, не так ли?

Бормоча что-то себе под нос, Миджер подкатил уродливое устройство к подозрительно темневшему на покрытии пятну. Так и есть, хищная субстанция грибковой колонии уже забралась втихаря по стенке чана, поближе к дармовым источникам пищи. Бестолочи. Миджер подхватил тяжеленный раструб и принялся рывками отхватывать сразу целые шматы розового студня. Вот сколько биомассы пропало по вашей милости. А ведь ещё полчаса – протухло бы, дезинфицируй потом всё помещение. И хоть бы кто его за старания похвалил – твоя работа, ты и работай. А вот как оставил бы всё как есть, замучались бы устранять!

Проверил ещё раз герметичность шлангов, пошёл на доклад к Остину. Тот молча выслушал, записал об утечке в журнал, потом уставился на Миджера немигающим своим взглядом.

– Скорч?

– Н-нет...

– Не ври. Я вижу.

Язык матерей у него выходил грубым, рубленые фразы царапали нёбо, мешая нормально с ним разговаривать, будто вся эта грамматика для него была совершенно несущественными – он говорил, его понимали, остальное было неважно.

– Я... я случайно, мне одноклассники...

– Знаю. Когда уже ты закончишь эти игры. Я знаю тебя вот с такого возраста, и всегда ты лез туда, куда не надо.

– А куда надо?

- Ты же знаешь, у нас один путь на свободу – туда, в небо.

- С такой свободой недолго живут...

Остин скривился, будто кислоту проглотил.

- Ты слабак, пацан, ты абсолютный слабак, что я с тобой вожусь...

Миджер скатился по лестнице вниз, к своим, испытывая непонятные угрызения совести. Этот солдафон и сам не знал, зачем это всё, ничего толкового сказать не мог – а всё туда же, обвинять, патетику разводить. А ещё Миджера снова захлестнул этот неизживаемый страх.

Он поселился в нём невесть когда, в раннем должно быть детстве, но избавиться от него с тех пор не удавалось. Разве – ослабить, заглушить... скорч в тот раз помог, но надолго его не хватило.

Миджер тряхнул головой, хотелось от души дать себе по физиономии. Больше глупости он не совершал с самого детства, когда, помнится, решил отправиться на поиски приключений. Далеко не ушёл, но получил такую головомойку от рейнджеров, что от стыда был готов провалиться сквозь землю. Десять лет ему тогда было, а не забылось.

За мыслями и хождением от одного чана к другому прошло ещё несколько часов, Миджер переглядывался с другими контролёрами, заполнил какие-то формы для отправки биологу-инженеру, а потом уже почти устало поплёлся на обед. Пища непритязательная, но калорийная, если не вспоминать матушкины щи, так и вполне съедобно. Основная толпа из формовочного цеха ещё не набежала, так что можно было посидеть в относительной тишине, не морщась от гомона «бойцов». Если бы не их семейный огоролик да пластиковый домик для цыплят, так бы и питались розово-голубым трясущимся суррогатом. Говорят, пилоты любят, по сравнению с гидропонными концентратами – просто фейерверк вкуса. Миджер не знал, что такое этот гидропонный концентрат, но рассказам верил. Нет, правда, этим можно было питаться. Даже бифштексы жарить.

Запив обед хорошим стаканом чистой воды, Миджер отнёс остатки обеда в приёмник, поднос вместе с объедками сойдёт после переработки прекрасным сырьём для перепроизводства биомассы. А потом снова – на стол, или

в сублимат.

Вернувшись в цех, он снова погрузился в рабочую апатию, что помогала ему коротать время. Один раз что-то бабахнуло там, на крыше, и Миджер сам не заметил, как скорчился у основания одного из чанов от приступа лютой паники. Нет, нет, успокойся, уронили что-то на грузовой площадке.

Чтобы прийти в себя, Миджер отошёл к окну, косясь через плечо – не видел кто?

За прозрачными по весне щитами разноцветной мозаикой беззвучно шелестело цветочное царство. Не розы какие, так, шиповник, яблони дикие. Кто сажал – никто уж и не помнит, десяток дней поцветут, а потом о них никто и не вспоминает. Как мы все тут... Каким ветром занесло людей на эту планету? Однажды покажется начальству, что слишком зелень разрослась, и вырубят деревья, сровняют кустарник с подоконником, цветы отцветут и невесть когда появятся снова.

Опять одно и то же, мысли Миджера снова и снова возвращались на эту бессмысленную тропу. Когда всё это кончится...

Он, скрипя зубами, вернулся к агрегатам. Лучше так, занять делом руки, у него хорошая работа, у него нужная работа.

Забвенье механических действий спало уже ближе к вечеру, когда на его плечо легла вдруг чья-то тяжёлая ладонь. Это был Остин, он тяжело опирался на старый суставчатый свой протез, но даже не морщился. Чего ему...

– Миджер, у тебя сегодня тренажёры на курсах. Не забыл?

– Не забыл, дядя Остин.

Он любил временами называть его так, дядей. Вроде бы в отместку. За отца. И вообще. Чего ему надо?

– Так собирайся, опоздаешь.

Миджер пожал плечами, сходил в блок дезинфекции, сменил робу. Пусть его. На самом деле времени было ещё полно, и он мог бы ещё битый час приносить Галактике пользу, а вот собирай вещички да рви когти на курсы. Прямо позабытые уж школярские годы. Хотя нет. Тогда он не так боялся.

Миджер быстрым шагом направился в пищеблок – перед тренажёрами вообще-то это не рекомендуется, но сегодня ему было всё равно. На ужин давали мутную густую пахучую жидкость, которую все привыкли называть просто «киселём», заедать её полагалось сладкими крошащимися хлебцами. Витамины, белки, углеводы, клетчатка. Чем не пища для тех, кому выпадет покорять пустоту пространства. Есть это можно было только крепко зажмурившись и представляя на месте сублимированной баланды что-то более съедобное.

За соседним столиком расселись по лавкам те самые «будущие покорители», сверстники Миджера, плюс-минус год возраста. Они бескультурно орали, шелестели упаковками, не давали сосредоточиться. Иногда Миджеру жутко претило общество его ровесников. Что хорошего, вот так разговаривать ни о чём, болтать ногами, сплетничать и хвастаться – нет, не излишком мозгов. Лучше уж молчать.

Послушать этих ребяток, они хоть сегодня – на Исход, боевые псы, которым дай только воли – вцепятся в глотку врага, совершат немыслимые подвиги и вернутся назад – героями. И тут же с высокопарного хвастовства разговор перешёл – шёпотом, потихоньку – на скорч, да с чем его едят, да зачем он нужен. Спросили бы вас родители, где берёте, вот быть бы вам драными ремешком.

Миджер покачал головой, стараясь опустить лицо пониже в миску. Ещё пристанут со своими сплетнями.

– Что-то давно из Галактики ничего не слышно! Забыли нас, что ли? Так они врага без нас уничтожат, а что мы будем делать?

«Идиоты», пробормотал Миджер, поднимаясь из-за стола.

Помолчали бы, честное слово. Да есть ли таким место в той самой Галактике, о которой они толкуют? Для него эта война была чем-то ужасным, невозможным, от чего хотелось бежать. И глупые разговоры казались Миджеру оскорблением

памяти тех, кто не вернулся. Тех, кто ещё не вернётся. Да среди этих пацанов таких будет больше, чем могло себе позволить небо Имайна. Чем могут представить они сами.

Миджер покинул корпуса фабрики со смешанным чувством. Ещё было полно времени, лучше побродить по свежему воздуху. Почему он всё время думает о войне? Почему не думать о жизни, о любви?

Мама любила вечерами рассуждать о том, что надо бы Миджеру встретить хорошую девушку, умную, добрую. Была бы ей радость – наблюдать за нами, вспоминать... она как-то разом сникала, видно, снова зарекаясь поднимать эту тему. Миджер даже не собирался спорить. Любовь – отвратительное слово, когда вокруг творится такое. Что толку цепляться за эту жизнь, заводить какие-то связи, чтоб потом горше было оставшимся? Оттуда, с небес, из Исхода возвращались единицы. Да и те, что могли вернуться... ничего кроме тоски эти люди в нём не вызывали.

Года полтора назад Миджер уже пытался вернуться в круг своих сверстников, гудеть на вечеринках в глубине окружавших их промзону лесов, он даже познакомился с девушкой по имени Илия, и даже вроде почувствовал ответную симпатию с её стороны... всё закончилось однажды и сразу. Илия не отрываясь смотрела на него своим внимательным взглядом, а её руки скользили по его плечам, по груди, опускаясь ниже.

Миджер прочитал всё в её глазах. Прилёт транспорта, расставание, её живот, натянувший плотную ткань комбинезона. И чёрная карточка официального уведомления. Тела присылали ещё реже, чем выживших. Так однажды не вернулся его отец, так же, почти так же вернулся дядя Остин.

Он в тот день как мог осторожно отстранился и пошёл домой. Илия, кажется, поняла. По крайней мере попыток завязать «серьёзный разговор» с её стороны не последовало. Они часто виделись, их посёлок жил достаточно уединённо, народу было не так много, но они только улыбались друг другу да расходились по своим делам.

Миджеру казалось, что мама так и не была в курсе этого эпизода, но даже если знала – ничего не сказала.

Ну когда же звякнет проклятый информер на запястье! Он потряс попискивающий приборчик, всмотрелся в темнеющее небо. Так изведёшь себя, шляясь. А ведь на курсы лучше являться «в свежем, бодром расположении духа», как говорилось в наставлении курсанта. Да уж.

Впрочем, несмотря на привычку не ждать от грядущего дня ничего хорошего, Миджер не сомневался в успешном прохождении курса пилотирования. Плевать на мысли и настроения. Там, внутри, было совсем иначе.

Когда, наконец, сигнал раздался, в пыльной прошлогодней трухе листьев под его ногами уже протопталась изрядная картинка – кругами, кругами. Что ты вот тут выхаживаешь, а?

Сделав два резких взмаха, под хруст сухожилий Миджер припустил вверх по холму, резко, в такт бегу, вдыхая и выдыхая. Кислород – лучший допинг, что бы там ни говорили любители химии.

– Курсант Миджер Энис!

– Да, сержант!

– Почему вы всегда являетесь на занятия впритык?

– Не хочу тратить на себя ваше внимание, сержант!

– Моё внимание это моё дело, курсант. Возможно, я хочу с вами кое о чём поговорить, а вы мне не оставляете такого шанса.

– Виноват, сержант, завтра приду заранее!

– Будьте так любезны.

Сержант смотрелся жутко – с изукрашенной бесцветными разводами кожей на безволосом лице, без обеих рук, с безумным пластиковым манипулятором, спрятавшимся у него на груди. Нужно было видеть, с какой ловкостью он им при случае орудовал! От этого становилось ещё жутче, но, как ни странно, даже мерцающие частотой сканирующего луча его зрительные имплантаты,

заменявшие сержанту потерянные глаза, ничуть не смущали Миджера своей нарочитой нечеловекообразностью. Если увечья дяди Остина и казались ему чем-то ужасным, недостойным человека, уродующим его физическую красоту, то сержант казался частью этой машины, в которую его превратила судьба, он жил в ней, как моллюск живёт в своей раковине. И был тем доволен, что есть ещё в Галактике цель для приложения его могучей энергии – целью были такие, как Миджер, будущие жертвы неминуемой бойни.

Если другие вернувшиеся часто казались жертвами печальных обстоятельств, сержант был частью военной мясорубки, её продолжением, смыслом и движущей силой. Он возглавлял местное отделение рекрутерской подготовки и гонял всех и каждого лично, не полагаясь на других отставных сержантов. К слову, он был единственным из них, кто официально ни в какую отставку и не уходил.

– Курсанты! Сегодня я хочу, чтобы вы показали, чему вас всё это время учили. Это не финальный экзамен, но пора вам попробовать себя в том деле, к которому вас тут так долго готовили. Сегодня пройдёт один из ключевых тестов, по результатам которых из вас выделят кандидатов на дополнительное обучение – которое вам придётся проходить отнюдь не на Имайне... – этот голос был не таким безжизненным, каким привыкло слышать ухо синтезированную речь. Он звучал ровно, обволакивая сознание. Миджер почувствовал, что ему даже интересно, что же это за тест. Прошёл ли его сам сержант, всё-таки его списали на планету, пилоту же не нужны ни руки, ни глаза, чтобы управлять боевым модулем. Значит, на пилота сержант не был годен.

– И теперь, если все всё поняли, прошу по кабинам. Если кто-то нервничает, можете не волноваться – тест пройдёт в автоматическом режиме, все вы будете без сознания.

Миджер ничего такого не чувствовал. Боялся он смерти, падающей с небес. Бояться дурацкой машины, забирающей тебе в мозг, было глупо.

Затылок обдало испариной холода, два коротких укола – имплантанты неприятно упёрлись в кости черепа. Сколько раз Миджера убеждали инструкторы, объясняя, что имплантная сеть имеет ячейки в несколько микрон, и никуда «упираться» её элементы не могут физически, ему было всё равно – субъективные ощущения оставались. С оглушительным хрустом иньектор пропорол кожу у основания шеи, на глаза надвинулся шлем проектора, и тут же

всё угасло, оставив его в одиночестве в мире пустоты и тишины. Как он ни силился, не смог заметить ничего значительного, только две или три ошалелые мысли метнулись под сводами его черепа.

Мир вернулся почти мгновенно.

В розовых и чёрных сполохах Миджер выбрался из кокона ложемент, голова гудела, затылок при каждом движении пронизывала тупая боль. Потрясающе. Только этого счастья не хватало.

- Курсант, ты в порядке?

- Да, да, всё хорошо. Я что-то немного не в себе.

- Бывает, вас сегодня погоняло. Ты дольше всех продержался, молодец.

- Да? Это что-нибудь означает?

- Выносливость к нагрузкам хорошая. Впрочем, это может ничего не означать. Ступай, результаты тестов будут только завтра к вечеру. Тогда и поговорим.

Миджер не стал дерзить, хотя его тянуло сказать сержанту какую-нибудь грубость. Руки тряслись крупной дрожью, ноги были ватными. То ли от инъекций, то ли от тренажёра этого. А может, вчерашний треклятый скорч сказался. Надо домой, отлежаться... вас бы так.

Выйдя на свежий воздух, Миджер попытался потряхнуть головой, но только взвыл от боли. Мир вокруг плыл и совершенно не собирался возвращаться к норме. Хотя, зря он так с сержантом. Что-то ему подсказывало, что там, в высотах гравитационного колодца, пилоты переносили и не такое. Потому что терпению этому ценой была жизнь – их и их товарищей.

Посыпанные песком дорожки петляли в неверном свете звёзд и далёких фонарей, уводя Миджера всё дальше от дома. Сколько он просидел в этом треклятом коконе, что уже так темно? Перед глазами продолжали плясать зелёные светлячки, и это тоже не помогало. Миджер споткнулся о что-то неразличимое в темноте, с глухим криком повалившись на землю.

Кто тут камней набросал...

Ушибленное колено ныло, голова кружилась как и прежде. Безобразие, форменный кошмар. С трудом припоминая, не забыл ли он фонарик дома, Миджер полез в карман. Узкий луч света вонзился в сгустившуюся плотную темноту, выхватывая из её глубин какое-то дерево, белое полотно дорожки, его собственные пыльные ботинки. Так. Надо домой, сейчас же.

Кое-как поднявшись, Миджер с сомнением огляделся. Так, где же это мы... ага. Шум в голове немного улётся, даже глаза понемногу приходили в себя. А он не так уж и далеко ушёл, крюк выйдет, но ничего, до дома если быстрым шагом – минут пятнадцать.

Странно, но такая полутрусца-полушаг ему удавалась лучше. Чем же это его накачали. С вояк станется. Миджер размеренно задышал, выгоняя из лёгких этот кислый привкус, вон, смотри, звёзды – не мерцают, не мельтешат перед глазами, смотрят на тебя холодно и безучастно. Так и нужно звёздам.

Вон, даже деревья поприжались, прячутся. Наступит ли когда-нибудь новый день? Или теперь всегда будут царить ночь и холодные звёзды? Деревья об этом не знают. А ты сам?

Миджер разглядел свой дом задолго до того, как смог различить слабый фонарь над дверью – поверх крон обрисовывался скат крыши. Говорят, именно так – тёмным пятном на фоне звёздного моря – выглядят конструкции космических баз, не подсвеченные навигационными прожекторами. Холодный ребристый осколок пустоты и мрака.

Для пилотов штурмовиков этот металлический лёд был домом. Миджер иногда почти понимал, что они должны при этом чувствовать. Но сейчас его бросило в дрожь при этой мысли. Надо сказать матери, пусть включит свет, эта темнота его пугает.

С тоскливым, протяжным скрипом дверь открылась, пропуская Миджера внутрь. Прихожая встретила его тёплым запахом старой пыли, а ещё едва уловимым ароматом свежей выпечки – мать редко баловала сына подобными излишествами, мука была большой редкостью, промышленности было невыгодно производить такой непрактичный продукт, проще забросить на орбиту

неприхотливый штамм дрожжевой культуры, способной производить биомассу, похожую после термообработки на обычный хлеб грубого помола.

Мать где-то всё же умудрялась раздобыть всё необходимое, какой смысл в жизни, если не можешь себе позволить даже такую малость. Миджер заглянул на кухню, где в электропечи уже подходили яично-жёлтые сдобные полусферы. На столе располагалась извлечённая на свет ручная мельница. Да уж, раритет неизвестного возраста и туманного происхождения. На ней у них в семье было принято изредка молоть кофейные зёрна. Хм, мы что-то празднуем?

– Мам, ты где?

– Тут.

В соседней комнате завозились, прошелестел клапан воздушной подушки, на пороге показалась мама. В руке она сжимала пластинку книги, отсюда не разобрать название, что-то, кажется, знакомое...

– Что читаешь?

– Остоженко. Помнишь, я читала тебе в детстве?

– А, сказки... давно в руки не брал. Интересно, как бы оно сейчас...

– Ты вообще мало читаешь в последнее время.

– Да брось, мне некогда, да и не до того. Вот сдам зачёты на курсах, тогда можно будет расслабиться...

Миджер пропустил матушку к столу, та, что-то бормотала себе под нос, но вслух ничего не сказала. В круге света показался плотный пахучий мешочек с кофе. Удивительный запах, Миджер очень любил его в детстве, за этим запахом, казалось, прятались невероятные тайны, ну разве обычное дерево может давать такие поразительные плоды, потрясающе.

Сейчас ему и по отношению к кофе было «не до того». Разве что маменькины пирожки заставляли при мысли о себе глотать горькую слюну.

– Помочь?

– Да что там, переодевайся, садись. Вон у тебя руки трясутся, ещё уронишь, чего доброго.

– А, ну да...

Миджер вышел к себе, быстро переоделся, покидав грязное бельё в приёмник. Странно, он не заметил, что весь покрыт вязким холодным потом.

Струи воды скользили вдоль его мыслей, потихоньку приводя в себя. Хорошо, хоть воды на Имайне предостаточно – ходили слухи, что на некоторых мирах с ней было туго, особенно когда начали прерываться дальние грузовые трассы. Ну, и в космосе – рециркуляторы были громоздки, биофильтры постоянно нуждались в замене, так что воду приходилось строжайше экономить, на станциях по рассказам ветеранов воняло так, что слёзы из глаз с непривычки. Источником воды служили контейнеры с твёрдым водородом – с кислородом было легче, чем с водой. Иногда даже использовали в рециркуляторах лёд редких в свободном пространстве комет. Куда там душ принимать – оботрись дезинфектантом и топай.

«Хорошо, что я здесь, дома, а не там».

Миджер вернулся как раз вовремя – мама выкладывала на стол горячую выпечку, на огоньке булькал кофейник. Впившись зубами в хрустящую корочку, он сделал маленький глоток пахучего напитка. Металлический привкус почти исчез, заворчал в животе, кровь бросилась к лицу. Хорошо. Теперь – хорошо.

– Мам, я забыл спросить, что празднуем?

– Как, ты забыл? Сегодня День Возвращения.

Миджер хмыкнул. А он-то думал... совсем из ума выжил, за Всеобщим календарём бывало сложно уследить. Для матери День Возвращения был ещё и не просто памятью об окончании Века Вне, в этот день, три террианских года назад, вернулся дядя Остин. И не вернулся отец. Зачем ей нужно – вот так, каждый раз, напоминать самой себе. Он не знал.

– Почему дядю не пригласила?

– Он не захотел. Точнее, сказался занятым, но ты же знаешь, он не любит... почти как ты.

– Я? Ну да, я. Только у него куда больше поводов для этого празднования, пусть уж лучше со своими товарищами. Что ему тут молчать с нами...

– А ведь когда-то это был действительно праздник, – в глазах матери Миджер увидел едва различимую, но горькую, горькую слезу. – Пять веков человечество оплакивает Старую Терру, четыре века оно радуется обретению новых миров. А толку? Прошло время, и это уже не величайший праздник для живущих, это день траура. Вот так...

Миджер встал, осторожно подошёл к задумавшейся матери, поцеловал её в висок. Потом, не удержавшись, всё-таки схватил со стола ещё два пирожка с яблочным джемом. Недопитую кружку с кофе оставил – и холодным сойдёт, пусть мама посидит одна, ей это нужно сейчас.

Крыльцо плыло над миром – окутанное ароматами горячей сдобы, окружённое тьмой, чуть подсвеченное пространство. Звёзды снова холодно мерцали в вышине, но не было ветерка, который бы шевелил листву деревьев, не было и звука, чтобы рассеять плотную густоту ночи, придать окружающему толику реальности, отзвука бытия.

Как же мал, как же тесен и страшно незащищён этот мирок, который Миджер привык считать своим домом, своей родиной. Окружённый чужими силами, он похож на...

Вспышка разорвала звёздную ночь пополам.

В небе разгорелось кровавое зарево, один, два, три белых клубка пламени перечеркнули Вселенную наискось слева направо, пронесли куда-то за горизонт, прячась от людского глаза. Три светлых, тлеющих в тишине полосы остались тремя расползающимися шрамами.

Грохот эха настиг Миджера гораздо позже. Он сливался с воем сирен в единое целое, в клубящуюся какофонию всего мерзкого, что мог вобрать в себя воздух, всепокрушающей мощью обрушиваясь в уши даже сквозь сжавшие их ладони.

Миджер успел заметить тонкие чёточки, отщепившиеся на малых скоростях от общего ствола белёсого следа прогорающих в атмосфере обломков. Едва различимые глазом искры слаженно сгруппировались чуть не над самой их промзоной и только потом пошли одна за другой на север, к предгорьям.

Грохот затих, но сирена не унималась, разрывая мозг на части. Показалась испуганная мать, но ничего спрашивать не стала, только вцепилась взглядом в тускнеющие над головой небесные письма.

– Это не могут быть наши, мама, – приходилось драть глотку, перекрикивая вопль сирены.

– Это враг?

– Да. Больше никому.

– Тогда пошли читать сводку.

Сирена наконец умолкла, дав отдых натруженным ушам.

Миджера колотило.

Улисс мягким шагом вышел из бокового коридора, оказавшись на лифтовой площадке. Его лицо не выражало ничего кроме скуки, глаза из-под полуприкрытых ленивых век безучастно скользили по предметам обстановки, по обтянутым пластиком «под дерево» стенам, незаметно, краем, цепляясь за расставленные по углам глазки камер. Если скользят влево-вправо, плавно и безостановочно – больше шансов, что они работают в автоматическом режиме. Стоит такой замереть, чуть резко повернуться тебе навстречу – жди беды.

Зелёный огонёк сенсора мигнул и порадовал цифрой «+35 этажей» рядом с указателем шестой шахты. Эти лифты никогда не справлялись со своей

работой. Улисс вздохнул и повернул налево по проходу в сторону туалетных помещений, камер тут было привычно много.

Он поправил на груди карточку служащего и остановился у стеллажей. Пятый ящик был свободен, полсекунды спустя контейнер уже лежал на своём месте, закрытый на замок кодом бэджа. Туалет сверкал пластиком «под стекло», металлическим зеркалом во всю широкую стену и рядом кабинок напротив. Шикарное место. Хорошо устроились.

Улисс отвернулся от незнакомого отражения, прикрыл дверь кабинки, постоял с минуту над выдвинувшимся писсуаром, потом коротко кашлянул под фырканье автоматически спущенной воды. Не использовать более привычные способы подачи сигнала агенту ему приходилось себя буквально заставлять. Ответный кашель донёсся из-за двери дальней кабинки. Отлично.

Вода в кранах была едва тёплой, тут тоже экономили, и пока руки пытались отделаться от остатков геля, Улисс старался не разглядывать излишне внимательно в зеркале свою физиономию. Одутловатость придала выражению лица оттенок безнадежности, простимулированная инъекцией щетина лежала неровными пятнами, кожа была сухой и морщинистой, хотя и бугрилась отёками. Отвратительно зрелище, жители центра могли себе позволить нормальную косметическую операцию, лаборанты и клерки среднего звена питались тем, чем давали, а дышали тем, чем придётся. И хорошо, отличить Улисса от того, под чьей личиной он сейчас находился, смогли бы разве что судмедэксперты. Охране у мониторов слежений это не по плечу. Автоматике – тем более.

Пророкотал звук спускаемой воды. Пригладив короткий ёжик мокрыми ладонями, Улисс пропустил вперёд себя человека в таком же, как у него, голубом комбинезоне, и только потом вышел к стеллажам, хмыкнув про себя на чуть приоткрытую дверцу с номером 5. Короткий укол боли в недрах его спящего естества и шестая ячейка открылась без запинки, Улисс извлёк оттуда в точности такой же, как у него, контейнер для личных вещей. Стоять он старался боком к камере, которая обозревала непосредственно стеллажи, чтобы не казалось, что он скрывает своё лицо – тот, кто передал ему контейнер, уже вечером будет отсюда далеко, а вот сегодняшней прототип Улисса, номинальный агент Корпорации, завтра должен как ни в чём не бывало выйти на работу. И к нему не должно быть никаких претензий. Человек просто положил контейнер, просто его извлёк и просто вышел на лифтовую площадку.

С лёгким покалыванием в ладони Улисс проследил, как слабые огоньки ячеек памяти внутри стеллажа сменили полярность. Следы стёрты.

Карточка снова пискнула, отмечая проход через периметр. Тут же, секунда в секунду, звякнула шестая шахта, впуская Улисса в свои жаркие объятия. Горячий воздух поднимался с нижних уровней – кондиционеры не справлялись. В очередях через пропускные пункты говорили, что даже в лифтах для местного начальства было отнюдь не прохладно. Это была, конечно же, неправда. А ещё говорили, что в кабинах повсеместно установлены приборы электромагнитной наводки – если требовалось, они сбивали работу нейроимплантантов. А вот это было, зачастую, абсолютной истиной. Рядовой агент, полагающийся на обколотые мышцы и скрытые детекторы, без специального защитного механизма становился тут обычным беспомощным человеком. А мог стать просто инвалидом.

Улисс снова про себя порадовался – хорошо быть обыкновенным, незаметным винтиком в механизме Корпораций. Или, по крайней мере, выглядеть таковым, полагаясь на неумолимую природу Соратника.

В кабине потели ещё трое «синих комбинезонов». Все трое с такими же, как у него, личными контейнерами. Внутри третьего периметра по правилам «Джи-И» любые посторонние предметы можно было переносить только в таких, удобных для просвечивания ящиках, и на обед – а помещение для еды находилось за пределами периметра, во внешней, четвёртой зоне – все ходили одинаково, с пластиковой тарой на жёсткой ручке.

Лифт остановился на пятидесятом уровне, выпуская всех в просторный холл. За мутными пластиковыми стенами просматривалась стартовая площадка транспорта, слева, за пропускными воротами, были видны длинные ряды столов и стульев – Улисс, не мешкая, вместе со всеми направился прямо туда, где у сканнера столпилось со своими контейнерами с десятков человек.

– Эй, сотрудник!

– Да? – с любезной, но в меру кривой улыбкой повернулся навстречу голосу Улисс. Опять... Вечно к нему цепляются. По слухам, вероятность попасть под ручной досмотр была не больше одного к тридцати, но его прототипу не везло, чуть не через день проверяют. Такова была легенда-вводная.

- Пройдите сюда, пожалуйста.

«Да пожалуйста, пожалуйста...» - пробормотал он, протягивая охраннику контейнер. Не узнать. Разве что с помощью заснувшего сейчас нутряного чувства Соратника. Сколько всего человек задействовано в операции?

- Откройте контейнер.

«Уж мог бы и сам, не переигрывай, вежливость в „Джи-И“ не практикуется, холоднее взгляд, выше подбородок!»

- Прошу.

Внутри всё было как надо - пара фруктов, завернутых в поролон, баночка с маслом - не какое-нибудь соевое, сливочное! В общем, только то, что средней руки сотрудник мог добавить к бесплатному рациону корпорации. Пусть хоть глаза до дыр просмотрят, нет в контейнере ничего особенного.

- Пройдите через сканнер.

Вот это кстати, задержки с очередью ему не нужны. Да и контейнер, пройдя через рамку, мог случайно показать кое-что подозрительное... Зелёный индикатор не дрогнул. Никаких запрещённых имплантантов, никаких инъекторов и миоусилителей.

- Извините за беспокойство. Проходите.

Вот и всё. Бэдж тренькнул в воротах, выпуская Улисса в пределы четвёртого периметра. Формально это уже не совсем территория «Джи-И». Второй столик у дальней стены был пуст, так что Улисс смело направился к нему, по дороге извлекая из автомата пластиковый поднос с четырьмя запаянными капсулами.

Знавал он людей, которые за такой «рацион» продали бы собственную мать. Но для той личины, которую сейчас принял Улисс, это поглощение пищи было безрадостным элементом ежедневного существования. Так, прожевать-проглотить.

- Свободно?

Едва удержался, останавливаясь на самой грани пробуждения. Он слишком привык к мгновенно возникающей опасности. Спокойно, тебе не отчего нервничать, тебе незачем потеть, ты спокойно ешь, твой опустевший контейнер стоит на столе напротив тебя, занимая место, которым мог бы воспользоваться другой служащий, которому расписание выделило эти полчаса для быстрого безвкусного обеда.

- Да, конечно, прошу.

Улисс вовремя заметил крошечную искру на лацкане пиджака. Сигнал «свой». Если бы не эта деталь, он бы уже прорывался бы уровнем ниже на переходные пандусы. Обошлось. Теперь присмотримся. Не из лаборантов, рангом повыше, но всё равно – прототип несколько раз встречался с ним в коридорах, а значит – в меру любезности, шапочное знакомство. Убрать контейнер со стола, покидать на дно флакончики с витаминами, закрыть, оставить у ног справа.

- Какими судьбами в рабочей столовой?

Улисс в существующем состоянии никак не мог узнать собеседника, пластический грим был идеален. Из четырёх сотен оперативников, задействованных в этой операции, он помнил всех, но запомнить их личины у него просто не было возможности. Пока он снова не стал Соратником. Когда будет нужно, он сумеет распознать чужака.. Его же лицо сидящему напротив и вовсе ни о чём не говорило. Только небольшой синячок под ногтем большого пальца. Знак. Ему одному.

- Да я сам только полгода как на повышение пошёл, кормился здесь без малого десять лет.

- Повезло. А мне вон, ни сном, ни духом пока.

- Ничего, ещё повезёт.

Разговор не завязывался, да и к чему он – ешь себе, пока окончательно не остыло.

Часы степенно тикали в его голове, пока Улисс изо всех сил изображал голод. Отмерив нужный промежуток времени, он залпом опрокинул в себя содержимое последней упаковки – эрзац-сок с поливитаминами – после чего встал, пробормотал обязательно-вежливое «бай» и направился обратно к пропускным воротам.

– Эй!

Ну что там ещё...

– Эй, забыли! Вернитесь!..

Ах, ну да. Совсем вылетело из головы. С извиняющейся полуулыбкой Улисс развернулся обратно почти от самого холла, кивнул, хмыкнул ещё раз, поднял с пола контейнер. И не отличишь. Вернуться на рабочее место было нетрудно. Теперь у него в руках был совсем обычный контейнер, такой же безликий, как и все остальные. А тот, прошлый, с таким трудом вынесенный за ограждение, уже летел наверное, на всех парах летел куда следует.

Где-то в его пластиковом прессованном нутре пряталась микросхема памяти, содержимое которой ещё предстоит расшифровать. Точная копия того, что сейчас медленно укладывается на самом дне его памяти. Но не об этом Улисс сейчас думал, его волновала сейчас только треклятая сирена тревоги, которая могла включиться по всей башне, отрезая его и его помощников от спасительного выхода. Западня, в которую они сами себя загнали. Малейший провал в сложной цепочке технических ухищрений и его личных талантов – и придётся спасать хоть кого-нибудь изо всей с таким трудом выстроенной цепочки кротов в недрах этого сегмента «Джи-И».

Улисс лишь надеялся, что Ромул действительно нуждался в этой информации, что сейчас столь срочно и наспех выковыривалась из лап врага. Их слишком мало, чтобы так рисковать – «Сейко», «Тойота», «Три-трейд», «Джи-И» – все имели возможность разбрасываться людьми по необходимости. У Корпорации, названия которой не знал никто, людей было мало. И каждого из своих оперативников и кротов Улисс должен был держать в области минимальной опасности. Ромул сказал и ему: «Не лезь в пекло, если что». Улисс хмыкнул про себя, выходя из лифта. Нет уж, «если что» – он полезет, куда потребует обстановка.

«Сослуживцы» тускло глядели каждый на свой стол, мониторы расцвечивали их лица отражённым бледным светом, придавая им всем схожесть с группой хорошо сохранившихся мертвецов. Уже все здесь, а ведь до конца перерыва ещё три минуты. Рвение считается делом похвальным. Улисс так же безвольно склонился над своим рабочим столом, так же радостно потом улыбался проходящим начальникам – фотографии и характеристики мелькают перед глазами – изображал активность, но вперёд не лез – пусть прототип сам зарабатывает себе продвижение, Улиссу сейчас не до того. В голове продолжали тикать часы, с каждым часом всё больше напоминая набат.

Работа кипела – занятие у его личины было нудное, но непыльное, ручная фильтрация каких-то тестов после машинной обработки. Малость аналитических способностей ускоряли эту работу в десяток раз, но, видать, у «Джи-И» хоть сколько-то ценные спецы занимались занятием поинтеллектуальнее. Улисс старался не слишком выделяться скоростью обработки, то и дело «задумываясь» и тратя эти выкроенные секунды на короткие взгляды по сторонам. Время шло медленно, но тревожный звоночек так и не зазвонил.

В полвосьмого покидая «своё» рабочее место, Улисс даже испытывал некоторое чувство гордости. Послужил, пусть двигаются дальше. Как и сам Ромул, в отличие от многих Соратников, Улисс не испытывал к Корпорациям ничего особо негативного. Для него они были элементами ландшафта, силами природы, которые нужно было сломить, в лапы которых нужно было не попасть самому и не затащить туда другого.

Всё просто.

Когда лифтовая дверь раскрылась, выпуская Улисса из своих жарких объятий, он уже был предельно спокоен и по возможности расслаблен. Повторная – на этот раз на сканнере – проверка его личного контейнера прошла гладко. Если они действительно ничего не упустили, то завтра человек с таким же лицом вернётся на службу, и никто о его сегодняшнем дне не вспомнит, несмотря на весь поднявшийся шум.

Улисс коротко кивнул охранкам, для порядка пристегнул контейнер к поясу цепочкой (наловчились в центре хабари выхватывать что приглянется из рук), и шагнул в прозрачные пластиковые двери – площадка встретила его смрадным дыханием горячего железа и острым запахом озона из-под электрических контактов монорельса. Небольшая кучка людей у короткой платформы. Здесь

можно остановиться и отдохнуть.

Красное зарево заката косыми лучами поднималось с окраин наискосок, через частокол возносящихся в серое небо башен. В глубине мегаполиса солнце видели всего пару раз в году, когда ветер проникал в недра мешанины платформ, путепроводов, кабелей и мостов, освобождая его от вечного сырого смога. Некогда считалось, что мегаполисы перестанут страдать от грязного воздуха, стоит только вынести производства за его пределы и пользоваться чистым заменителем вместо стремительно иссякающего углеводородного топлива. До Войны, в сороковые годы про перенаселение уж и думать забыли, даже китайская экспансия откатилась обратно за Стену, иссякнув в замороженной насквозь, изрытой котлованами Сибири. Война всё поставила на свои места, вернув позабытую уж скученность перенаселённых мегаполисов, изуродовав материки радиоактивными пятнами от атак фанатиков и безжизненными пустошами Новых Пустынь, потянувшихся повсеместно сначала из Африки, а потом и со стороны Скандинавии.

Пыль, сырость напитанного от мощных систем кондиционирования воздуха, повышенная влажность разогретых парниковым эффектом океанических воздушных масс, неизживаемый трупный запах годами не расчищаемых завалов в сумрачной глубине городов, странная жизнь заброшенной системы подземных коммуникаций. Всё это делало нижние уровни мегаполисов слабопригодными для жизни человека, там орудовали машины, питавшие города энергией и обеспечивающие его воздухом, водой, частично даже пищей – эти-то хоть хорошо охранялись. В основаниях же заброшенных башен (даже в относительно благополучных мегаполисах таких насчитывались десятки) было темно и что-то вечно копошилось. Что уж говорить об окончательно заброшенных теперь городских улицах...

Улисс молча глядел туда, вниз, сквозь пелену испачканного смогом заката, и вспоминал те времена, когда мегаполисы только разрастались, а он ещё ходил по земле, только по земле. Три десятка лет послевоенного европейского промышленного бума не прошли даром. Последний раз он спускался ниже пятидесятого уровня три года назад. А вне мегаполисов ему и вовсе нечего было делать – там либо простирались бесконечные поля ветряных ловушек, стояли пластиковые рёбра гидропонных ферм, либо просто было голо и пусто. Так пусто, что мороз по коже. Ничего живого.

Загалдела очередь у платформы, по монорельсу, звеня подвеской, подкатился вагон «нижнего» метро. Не спеша, Улисс пристроился в хвост толкающимся, так что зашёл в вагон уже под окрик пилота – поторапливаемся, стоянка ограничена. Если кто сомневался сейчас, садиться ему следом в вагон, или Улисс всё-таки станет дожидаться следующего, ему сегодня было суждено оплошать – рывок в закрывающиеся двери был лёгким, почти незаметным, но повторить его было непросто.

Технике ухода от преследования в городских джунглях он мог поучить любого профи сыскного дела. Теперь пересесть на следующей станции – и напрямик на арендованную для такого случая на пару дней квартиру. Этот вагон шёл через территорию «Джи-И», так что от потенциального контроля Улисс ещё не ушёл. Все прототипы, полученные Корпорацией в своё распоряжение, должны были жить так, чтобы их маршрут до дома минимально приходился на районы, контролируемые текущим работодателем. Так что даже вопросов, почему вчера сошёл здесь, а не там, не должно возникать.

Платформа неприятно шаркнула по обшивке вагона, он остановился, покачиваясь. Вот теперь – на волю, и скрыться совсем, уйти, подальше от этого треклятого задания.

Улисс выдохнул и шагнул на платформу, опережая хлынувшую толпу. Спуститься на два уровня ниже, отыскать нужную линию, такую же безликую платформу, ведущую куда-то в глубину сырого темнеющего города.

Теперь прислушаться к себе – если за ним всё-таки следят, то на одежде где-то уже притаился тёмный глаз маяка. Жаль, он не мог себе позволить даже простейший датчик, вшитый в рукав, уходить от слежки с таким – замечательно, ходить на дело – лучше просто сдать врагу. С тем же успехом. А потому нужно из последних сил напрячься и, не выходя из затянувшейся, почти невыносимой спячки.

Хотя... Если маяк и есть – избавляться от него всё равно рано. Убойная дистанция таких штук – от силы километра полтора. Это по прямой. В металлизированном хаосе мегаполиса, считай, его «слышно» только в непосредственной близости. Осталось только запутать логи автолокатора и придумать для прототипа пристойную легенду. Чтобы в случае обычной проверки не привлекать излишнего внимания. Ну, а в случае серьёзных подозрений всё равно спецы-дознаватели «Джи-И» своё дело сделают.

С шипением распахнулись очередные безликие двери, вагон тронулся навстречу густой беззвёздной мгле. Только мутные огни мелькали в туманных окнах сквозь начинающийся мелкий дождь. Час пути – по меркам огромного мегаполиса, к тому же почти не знающего, что такое личный транспорт, это совсем немного. Иные привычно добирались до службы часами, только успевая дома поспать, а кое-кто на неделе и не возвращался, предпочитая коротать ночи в «спальном» закутке офиса. Это даже поощрялось.

Улисс помнил, сколько проблем каждый раз составляло с надёжной анонимностью снять комнату для оперативных нужд. Этим занималась целая служба. Здесь ещё было хорошо – сразу пять Корпораций боролись за контроль в этом бетонном хаосе, плюс несколько мелких недобитых, полуподчинённых гигантам бывших союзных и муниципальных ведомств имели кое-какое значение, не давая распоясаться трансконтинентальным финансовым группам, играя скорее на противоречиях последних, нежели своей собственной силой. Какие там армии, после Войны даже остатки натовских войск были годны лишь беженцев пугать. А покуда так продолжалось – можно было вольготно ловить рыбку в мутной воде. Это вам не просторы азиатского континента, где огромные промышленные поля контролировались с жесткостью, которой сложно было ждать даже от величайших гегемоний прошлого.

По широкому пандусу люди с пустыми лицами чуть не шеренгами шагали по домам. Серая глыба многоквартирника светлела в свете фонарей, огни в окнах ещё почти не горели – рано, но скоро они зажгутся все. Когда в тесной квартирке всего одно окно, ведущее не на лестницу, а на внешнюю стену, люди привычно собираются у него, пытаясь заменить эту вязкую перемигивающуюся темноту за окном воображаемой тишиной и пустотой полумифической природы.

К чертям собачьим, Улиссу было мало дела до судеб абстрактных, далёких людей, ему было далеко до безграничного человеколюбия Ромула. Тот почти физически страдал от каждого эпизода бессмысленной борьбы человечества с самим собой. Соратнику же важно держаться максимально отстранённо – это спасает жизни, и не только своих людей, но просто – окружающих. Боевая машина Корпорации должна быть холодной и расчётливой.

Яркий люминесцентный свет заливал проходную, под тихое попискивание карточек люди разбредались по коридорам. Улисс сбросил с себя напускную вялость, быстрым шагом обгоняя тех, кто не спешил поторапливаться. Лифт

пришёл удивительно быстро, так что толпа ещё не успела собраться. Ехать наверх было добрых пять минут, и потеть с дюжиной других бедолаг в плохопроветриваемом металлическом гробу – неприятно.

Наверху, в более престижных уровнях, освещение уже было не таким резким, исчезли и плохоокрашенные голые стены, а двери квартир уже посверкивали глазками телекамер, подключённых не к центральной станции охраны здания, а к личной системе безопасности. Кое-кто думал, что в этом есть хоть какой-то смысл.

Улисс хмыкнул, наматывая лестничные марши с узлового этажа. Третий уровень, можно было и на местном лифте проехать, но светиться лишней раз перед камерами... Нужная дверь подмигнула ему звёздочкой камеры, впуская в привычно тесный тамбур.

– Пришёл?

– Пришёл. Звал, и пришёл.

– Заходи.

Короткий бессмысленный обмен фразами на самом деле имел вполне чёткий и ясный смысл. Всё в порядке, слежки не замечено, тревожных сигналов «сверху» не поступало.

Войдя, Улисс наткнулся на взгляд своего прототипа. Нервничает, даже пальцы подрагивают. Ну, ничего, всё уже закончилось.

– Ну что, грим выдержал?

– Вполне, как будто в зеркало гляжусь. Как прошло?

– Нормально. Всё ещё хочешь узнать, что мы доставляли?

– Н-нет, я уже передумал. Меньше знаешь...

– Вот и молодец. Вода горячая?

– Да вроде... я не проверял.

Улисс подмигнул своему уж поднадоевшему двойнику, надо избавляться от этой личины. В подсобке уже грелся дезинтегратор, хорошо, любой след в умелых руках говорит слишком о многом. В отличие от отпечатков пальцев генный материал не сотрёшь, любой волос с его тела может служить уликой. Вот сейчас как следует помоемся...

Сквозь шум ринувшегося по трубам водяного потока Улисс прокричал через дверь:

– Эй! Растворитель принеси!

Избавляться от пластического грима было каждый раз делом весьма неприятным. Нужно было отлепить слезающую пластами «вторую кожу», соскоблить с лица чужие брови, даже специально изготовленный парик пошёл вразнос – делался он на один раз, тонкий материал позволял коже нормально дышать, вода же губила всё безвозвратно. Снимать грим нужно было быстро – по плану уже полчаса спустя они оба должны были разойтись на пешеходном пандусе десятью уровнями ниже.

Сине-зелёная резко пахнущая жидкость превращала искусственную кожу в склизкий комок неприятного вида. Улисс гляделся в зеркало, пытаясь узнать себя в этом лысом существе. Ни ресниц, ни бровей. Красноватые пятна шли по лицу – это уже начали отходить инъекции, так что щёки отчаянно кололись, как с крепкого мороза. Так, пока одна химия справляется с другой, надо воспользоваться моментом – даже вовремя помыться Соратнику случалось нечасто.

– Что по кабелю слышно?

– А? – голова неуверенно просунулась за плохо прикрытую ширму.

– Говорю, ничего необычного не передавали?

– Ну, я только бегущую строку смотрел, может на видеоканалах...

– Ладно, займись пока вот этим.

Розовая слизь мгновенно испарилась вместе с пластиковым ведёрком.

Бойтсся. Его. Ну и ладно, пусть бойтсся. Улиссу не было до того никакого дела. Для работы это даже полезно. Они больше никогда не встретятся. Возможно, этот мелкий человечек никогда больше не увидит никого из людей Корпорации, да и о её существовании никогда не узнает.

Внешность постепенно приходила в нечто, сходящее за норму – спадала припухлость век, одутловатость щёк, полные губы постепенно усыхали, вытягиваясь в ниточку. Правда красные пятна постепенно принимали иссиня-чёрный оттенок. Как будто следы чьих-то кулаков. Или, на фоне безволосого черепа, скорее следы какой-то химической дряни, которой по нынешним временам кругом – целые реки текут. Вот и славно, на такое лицо никто второй раз не посмотрит, по крайней мере по доброй воле. А волосяной покров восстановить, если необходимо – дело пары дней.

А теперь – напоследок окатиться холодной водой, и можно выходить...

Удар пришёл из ниоткуда. Ломающий кости, выворачивающий суставные сумки, разрывающий мышечные волокна.

Рука, потянувшаяся к рукояти смесителя, замерла на полдороге. Резкая, неудержимая нервная дрожь пронзила Улисса, заставляя валиться куда-то вбок, по гладким пластиковым стенам, на кафельный пол. Кажется, из его горла вырвались какие-то невнятные проклятия, потому что чужие руки тут же принялись тормозить его, пытаются привести в чувство.

На смену судорогам пришла каменная усталость, расплетая узлы мышц, превращая их в пустой кисель. Улисс почувствовал, как его голова безвольно ударилась о что-то твёрдое, но в глазах уже было темно, потому разглядеть ничего уже не было возможности. Хрип продолжал рваться из его горла, сопротивляясь невероятной силе удара. Смерть так близка, а этот болван не поможет, куда ему...

Боль обрушилась на Улисса горячей волной – чтобы вернуть силу мышцам, пройтись раскалённым железом по нервам и исчезнуть, оставив после себя лишь

пустоту и отчаяние. Нет, этого не может быть... Улисс никогда ещё подобного не испытывал, но Ромул... он говорил, он предупреждал.

- Боже, боже... что случилось? Это выглядело как... это было ужасно, на твоём лице...

- Отставить. Собирайся немедленно, причешись, обо всём забудь. С тобой свяжусь. Легенду взял? Вызубри наизусть, если хочешь жить.

- Но ты...

- Со мной будет всё в порядке. Бегом. Я тут сам приберусь. Заодно подожду, пока отойдёт. Ну же!

Улисс как сумел выбрался из душевой, уткнувшись лицом в мокрое холодное полотенце. Лишь выпроводив лишнего свидетеля за дверь, позволил себе рухнуть в кресло.

Боже. Это случилось.

Время неумолимым набатом било в уши. Оно утекало, а Улисс всё не мог подняться. Приступ отнял у него все силы. Всё когда-нибудь случается впервые, и быть готовым ко всему каждый миг своей жизни, вот чему приходится учиться каждый день, сверяя свой шаг с течением лет. Нужно будет подумать... потом, не сейчас.

Улисс подскочил к информационной панели. Бестолку потыкал в сенсоры, везде было чисто – какие-то мелкие происшествия, опять взрыв на южной окраине (на этот раз не Корпорации – настоящие недобитки из «борцов за народную демократию») да транспортный затор средней тяжести на нижних уровнях – захватил более пятнадцати процентов разъездов мегаполиса. Обыденная, скучная информация, не имеющая никакого смысла для него, Соратника Улисса.

Нужно было убираться отсюда, если всё так плохо, как показалось в тот миг, значит одна из сегодняшних операций всё-таки сорвалась, а значит и за ним могут прийти.

Стиснув зубы, он принялся метаться по крошечной квартирке, уничтожая малейшие следы своего здесь пребывания. Все лишние вещи убрать, оставить – только что на себя надеть. Протереть реагентом пластик в душевой, убрать за остолопом, раскидавшем тут всё за его отсутствие, снова обработать всё очищающей аэрозолью.

Пару раз Улисса всё-таки качнуло, но навалившаяся тьма снова рассеивалась, лишний раз заставляя вспоминать слова Ромула. Некогда размышлять, нужно переодеться в гражданскую одежду, прицепить карточку-идентификатор, запереть квартиру и покинуть здание максимально незаметно и быстро.

Правильно он ничего не сказал про лишнюю опасность этому недотёпе. Инструкций, наговорённых ему на диск, будет достаточно, чтобы тот правильно мог ответить на лишние вопросы. Если станут копать глубже – его уже не спасёшь, а от погони он уйти и вовсе – не попытается. Но Улиссе сейчас было не до него. Скрутивший его припадок... это началась охота, которой не будет конца, пока «Сайриус» на Земле.

Улисс пролетал лестничные площадки и порталы скоростных лифтов, его выносило на заброшенные некогда прогулочные площадки по периметру здания, он искал максимально безопасный, но самый трудноперекрываемый проход к общественным линиям или другим жилым домам – по возможности максимально дешёвым, чтобы в них жило как можно больше народу.

Возможно, зря он так перестраховывался, но его чувство не позволяло ему и на шаг отступить от выбранного пути – а ему он привык доверять, как отлаженному механизму, который не даёт сбоев. У кого-то он сегодня не сработал. Улисс не хотел называть конкретных имён даже про себя, но иначе как произошло то, что произошло.

Он благополучно выбрался на переход, ловко пробираясь среди неспешной, апатичной толпы. Кто-то из них думал, что дышит «свежим воздухом». В воздухе стоял крепкий запах аммиака.

Пролёт, ещё пролёт, в поисках опасности глаза бежали от одной слишком сгустившейся тени к другой. Так, стой, не спеши, не торопись. Тебе нужно связаться, узнать, где это произошло. И с кем.

Ромул предупреждал – однажды один из Соратников погибнет. И тогда каждый из них почувствует эти последние мгновения. Сигнал, от которого не скроешься, который не пропустишь. Началось то, чего они все ждали.

Скорчившись на краю обрыва над густой непроглядной темнотой, опершись на бетонную шершавость, Улисс поднял руки раскрытыми ладонями вверх, и забормотал, зашептал, запричитал едва слышную скороговорку, настраивающую его заснувшее на время истинное «я» на работу. Улисс, как и все Соратники, не знал до конца, благодаря чему он имел уникальную возможность видеть, что не видят другие, и слышать, что доступно услышать лишь избранным. Но это было его сущностью. Его сутью.

Соратник Улисс почувствовал, как его ладони раскаляются докрасна, питая болью нервные окончания. Он придумал эту боль, чтобы оправдать то, чего никогда не сможет понять. Это как расплата за подарок судьбы.

Погиб Соратник Урбан. Всем, кто может в течение получаса прибыть на место, получить точные координаты.

Ромул произносил это спокойным, отрешённым голосом, к которому все привыкли, на этом голосе держалась Корпорация, этот голос был нужен Соратникам. Именно сейчас.

Улиссу будто показалось, что он чувствует сейчас перед собой лицо. То, которое он так давно не видел, и увидеть когда-либо уже не надеялся.

Полчаса... он успеет, если перехватит частный глайдер. Личина сброшена. Сегодня начало конца, а он со спокойным выражением на чужом лице летит к месту гибели своего товарища, словно уже позабыл ту боль. Нет, не забыл. Запомнил. Ему пригодится это воспоминание, когда он найдёт виновного в произошедшем сегодня.

Погиб единственный из Соратников, чьё настоящее имя он знал, единственный, с кем он смог по-настоящему подружиться. Жан Армаль. Соратник Урбан.

Миджер рвался, путаясь в мыслях, от терминала к окну и обратно, что-то бормотал, не в силах остановиться. Информационный канал молчал, лишь крутилась бессмысленная заглушка «ждите поступления сведений, канал перегружен». За окном одна за другой вспыхивали гирлянды аварийных огней, небо уже обшаривали первые строчки навигационной лазерной системы. Как будто в этом был какой-то смысл. Имайн сходил с ума, и Миджер следовал за ним. Стоп, нужно что-то делать. Он здесь умрёт, в этих стенах, в неизвестности. Кто-то же должен знать...

В коридоре Миджер столкнулся с матерью. Та с отрешённым лицом сидела в уголке, подняв глаза к небу, и шептала, шептала, шептала.

– Мама, твой Бог остался на Земле, на Утерянной Терре. Теперь мы одни, не видишь? Эти... они сильнее всех богов. Они неумолимы и беспощадны. Нам никто больше не поможет.

– И всё равно, я верую в Спасителя. Жаль, что ты не унаследовал от отца его веру...

Миджер пошатнулся, но сдержал рвущуюся в ответ ярость. Она ни в чём не виновата. Спокойнее, сейчас все на грани.

– Может быть. Так было бы легче. Только спас людей века назад не мифический Спаситель, спасли нас Соратники. Спасли, чтобы ввергнуть нас в новую войну. Какое такое чудо должно случиться, чтобы враг ушёл из нашего сектора Галактики?

– Ты не понимаешь, Мидж...

– Я не понимаю, что в нашей жизни непонятного. Если это действительно рейдер врага, то скоро мы погибнем. Все. И никто нас не...

Миджер услышал тревожный сигнал терминала и не стал договаривать. В гостиной уже всю пылал, переливаясь красным и фиолетовым, символ Галактики – стилизованное солнце, обёрнутое двойной спиралью протуберанцев. Централизованная передача, способ разгрузить перегруженную инфосистему. Миджер рухнул в кресло, впиваясь взглядом в черное окно зрительного поля. Бесконечный колодец пустоты затягивал, словно хотел утащить туда, за яркий

образ, во мрак, где ничего и никого.

Как близок он к панике, Миджер осознал, только когда образ посветлел, оживляя обычное ночное небо, которое вспарывали те самые неопознанные объекты. Только теперь они были гораздо крупнее – раскалённые добела сгустки кипящего металла и окаменевшего воздуха – и были зафиксированы с лучшей точки, почти в зените. Спокойный голос за кадром помог вырваться из замкнутого круга полного смятения, однако от его слов легче не стало:

«Внутриатмосферные станции наблюдения и нейтринные детекторы сорок две минуты назад обнаружили приближающийся к ЗВ[2 - ЗВ – зона влияния. Астрономический или навигационный термин, означающий область пространства, в которой планета или иной объект является преимущественным гравитирующим центром.] Имайна неопознанный объект, движущийся по вынужденной траектории[3 - Вынужденная или несвободная траектория – любая траектория, отличающаяся от возможного движения под воздействием суммы внешних сил. Обозначает наличие у тела собственного движителя (искусственного происхождения).]. Вскоре телескопы однозначно идентифицировали его как космический модуль. На опознавательные сигналы внешних станций модуль не отозвался, войдя в атмосферу под углом, достаточным для захода на посадку. Однако погасить скорость неопознанному кораблю не удалось, в результате чего он сгорел в атмосфере, предварительно выбросив за борт три капсулы, которые сохранили живучесть и, сориентировавшись, снизились, уходя из-под нашего наблюдения на минимальных высотах. Судя по поведению объекта, с большой вероятностью это один из сбившихся с курса компонентов флота сопровождения Рейдеров врага. В связи с данными обстоятельствами на планете объявляется „красная“ степень опасности с возможностью её смены на „чёрную“. Всем ветеранам пространственных сил, а также стажёрам и рекрутам всех курсов приказ срочно явиться для инструктажа в расположение непосредственного командования или место постоянной приписки в рядах ополчения. Остальным просьба по возможности принять успокаивающие средства и оставаться недалеко от терминалов для дальнейших инструкций. Повторяю. Внутриатмосферные станции...»

Запись пошла по кругу. Миджер, пяясь, выбрался в коридор. Вот так. Вот так.

Проходя мимо матери, затихшей, погружённой в себя, он обернулся и, чуть дрогнув голосом, сказал:

– Твой Бог оставил нас, мама. Он нас оставил.

Выбежав за дверь, Миджер очнулся уже среди деревьев, запнувшись обо что-то невидимое в темноте, чуть не повалился на землю. Было невероятно темно, поблизости не горел ни один фонарь, только слабые отсветы окон домов бросали блики на мокрые от ночного холода стволы. Аварийная иллюминация погасла. Кто-то из вояк, должно быть, уже озаботился светомаскировкой, остальные скоро тоже догадаются. Тренировки, инструкции, это всё замечательно. Но в Галактике, которая могла даровать её обитателям смерть столь быструю и неизбежную, все учения бесполезны. Выживших в крупномасштабных налётах на населённые миры не было. Шанс был только один – привлечь внимание проходящей поблизости крупной группировки военно-космических сил. Где-то там, в черноте неба, уже сверкала искра автоматического буя, уходящего в Прыжок.

Бесполезно, всё бесполезно – на разгон и подлёт армады, базирующейся даже в соседней звёздной Системе, уйдут месяцы. У столкнувшегося же с Рейдерами врага мира есть часы, считанные часы. О чём он думает, космос, о чём он сейчас думает!..

Миджер яростно шарил по поясу, пытаясь найти фонарик. Если они хотели спрятаться от разведчика, темнота им всё равно не поможет, а как он доберётся до центра в таком мраке?

Натужно запищал информер. Вспомнили, уже интересуются, где он. Инфоканалы что ли разогрели?

Нашедшийся фонарик выбросил под ноги узкий неяркий луч света, делая различимой дорожку меж деревьев. Так, хоть что-то. Миджер начинал уже опасаться, что придётся возвращаться домой. Нет. Этого ему сейчас хотелось меньше всего.

Под срывающееся дыхание Миджер бежал по холму вверх, пытаясь выйти на широкую мощёную дорожку, но никак её не находил, всё больше злясь на себя за страх. Странно, Миджеру хватало при этом сил ещё и думать о своих неладах с матерью. Самый час выбросить из головы, а нет. Страх, злость, неуверенность боролись сейчас в нём, разрывая на части. Дико захотелось скорча. Два пузырька. Или даже три.

«Нет, даже думать не смей!»

Дожил, сам с собой разговаривает...

Миджер поднялся на гребень холма, откуда открывался вид на центр, уже задыхаясь. Где же все?

Внизу было также темно, как у него за спиной, только смутное эхо странного шума едва касалось его ушей.

– Маскировка, её мать, а орут так, что отсюда слышать!.. Стажёр, двигайся, всё пропустишь!

Какая-то тень промелькнула мимо Миджера, судя по странной вихляющейся походке – ветеран. Хриплый смешок заставил Миджера поморщиться. Он не любил, когда над ним смеялись. А ещё он не любил грубость и агрессию языка отцов.

Выдохнув, Миджер бросился вперёд, на бегу разворачивая фонарик более широким лучом. Он должен, наконец, узнать, что происходит!

Гомон постепенно усиливался, стали слышны отдельные голоса, но разобрать ничего не удавались. Деревья отступили, выпуская из мрака поблескивающие пластиком корпуса административных зданий. Посёлок был не из самых крупных, но всё-таки помимо трёх фабричных корпусов в нём было достаточно зданий и такого толка – небольшой пустующий годами причал для космических шлюпок делал их чуть ли не местным центром вселенной. В этом лесу утопленных в землю пультов управления радарными станциями, просто административных зданий, подстанций генераторов можно было даже не догадываться, что в двух шагах отсюда стоят рядами одноэтажные жилые домики. На Имайне вообще была всего пара настоящих городов, промышленная революция не коснулась той волны колонистов, что сошла на первой остановке. Тяжёлые автоматические заводы в промзонах не требовали большого количества персонала, пока там что-нибудь не ломалось, и люди жили в мелких посёлках, но далеко не рядом с каждым из них стояли мощные космические радары. А значит именно в их «центре» можно было узнать больше, чем где-либо на этой планете.

– ...И ты подумай, они ушли, как будто знали, сколько нам нужно времени, чтобы развернуть...

– ...Кто знает? Только не к добру это, не к добру, а если это лишь разведчик? Послали вперёд себя, а тот попал в газовый хвост...

Одна, две, десяток фигур стояли кучками в темноте, пересказывая друг другу те же подозрения, что кипели сейчас в голове у Миджера. Нужно было пробраться ближе к эпицентру. А эпицентр сейчас находился в двух шагах от головного здания местного Центра самообороны. За ним и располагались пульта радаров. И именно туда ему было приказано явиться.

– ...А разве есть какие-то сомнения? Был бы наш, хоть бы как сигнал бы подал. Кто-нибудь следит за информацией? Может, там уже Дальний космос прощупывают?..

Никто, конечно же, ничего не знал. Никто не знал даже, что происходит с их кучей космической группировкой, представленной только мелкими автоматическими станциями. Значит, нужно спрашивать у тех, кто владеет информацией, но, возможно, по каким-то причинам предпочитает пока молчать.

Со всех сторон неслись вопросы, восклицания, даже крики. Кто-то чуть не лез в драку, а кто-то просто тихо паниковал. Кто это был, кто вообще были эти люди, пришедшие сюда кто по приказу, а кто по зову сердца, Миджер разглядеть не мог. Большинство из них он знал с детства, но сейчас, в темноте, на гребне волны растущего смятения, они все словно стали чужими безликими масками, которые заслонили лица реальных людей. Лишь бы никто не привязался, лишь бы никто не стал расспрашивать... Миджер чувствовал, что готов бежать от этого, сломя голову. Среди утонувшей во мраке толпы человеческих душ было страшно находиться, но на свету было бы гораздо страшнее, он понял это вдруг и сразу.

За очередным поворотом Миджера встретило молчание. Две сотни его ровесников без слов выстраивались на едва освещенном плацу, а на противоположной стороне уже переминались с ноги на ногу скособоченные фигуры ветеранов из числа тех, что числились в оперативном резерве. Джо, Спартон, Старый Джеф. Все собрались. Миджер явился вовремя.

– Рекруты и ветераны!

Сержант хромал сильнее прежнего, припадая на левую ногу, однако зрительные элементы сверкали ровно, будто их владелец не знал сомнений.

Синтезированный голос скрежетал, грудной манипулятор был прижат в полной готовности. Сержант единственный не казался растерянным.

– Особенно – рекруты! Я уверен в тех, кто вернулся с небес, но я не могу покада верить в молодых, и потому я хочу сказать пару слов.

По шеренгам прокатилось короткое покашливание. Было понятно, что и ветераны в себе вовсе не уверены. Многие из них вернулись на Имайн много лет назад, а основной причиной, по которой они выжили, было тривиальное везение – неопасное для жизни увечие, которое всё же не позволяло служить дальше. Многие из них сами написали прошение о комиссовании. Миджер был уверен только в сержанте – того отправили в гарнизон по приказу. Однако и здесь, на планете, он продолжал служить, пусть и простым инструктором. Нет, даже хмурые лица ветеранов выражали неуверенность, почти страх. Что уж говорить о хорохорившихся ещё вчера курсантах. Те мелко дрожали, дрожал и сам Миджер.

– Что бы ни спустилось сегодня с небес, а я бы не стал загадывать наперёд, наша задача встретить опасность достойно. Космос недружелюбен к нам, людям, но стойкость наших предков перед невзгодами Века Вне приказывает нам быть твердыми хотя бы в память о них, подаривших нам эти миры.

Рядом о чём-то горячо зашептали, но Миджер не стал оборачиваться. Где эти хваленые бойцы, что гоготали не так давно о победоносной войне? Он сам был хотя бы честен перед собой. Пространство для него всегда было причиной страха. Лютого, полубессознательного, холодного, липкого.

– Я сам знаю немногим больше вашего, однако даже неизвестность должна сплотить наши ряды, это – испытание для слабых, не для нас. Пусть гражданские дрожат перед терминалами и боятся завтрашнего дня.

Это сержант зря, даже ветераны потупились. Мы думали о себе, боялись за себя, но они-то думали о своих родных, у каждого семья, дети. Старый Джеф недавно женился на молоденькой лаборантке. Мужчин не хватало, ровесники Миджера –

самое старшее поколение из не попавших на предыдущий транспорт было всего на год старше его – для завязывания серьёзных отношений не годились, их за глаза называли смертниками, так что выбирать не приходилось. Многие и без того рожали «от мертвецов», отчаявшись дожидаться возвращения хоть кого-нибудь. Миджер покосился на своих, те уж думали кто о чём, сержанта слушали единицы. Тьма подери.

– Мы избраны защищать свой род, хотя многие и предпочли бы иную участь. Но лучшего выбора у нас нет и не будет – потому что вместо каждого из нас могут погибнуть наши близкие, и они погибнут вернее, потому что не обучены пилотированию, и враг пройдёт сквозь них без малейших потерь, даже если они и смогут взять в руки оружие.

Шёпот захлебнулся, шеренги вновь упёрлись взглядами в калеку, который был их командиром. Старики и молодёжь ненавидяще сверлили его взглядами, проклиная про себя, но эта злость за грубое напоминание уже почти делала из них солдат – даже сквозь лёд собственного страха Миджер почувствовал укол чего-то незнакомого. Неужели он так боится войны, что готов оставить погибать собственную маму?!

– А потому командование Планетарных Сил Оборона приказывает всем, носящим боевой нейроконтур, оставаться в мобильной боевой готовности до прояснения тактической обстановки. Радарная сетка уже развёрнута «внутри», идёт тщательное сканирование местности в районе предполагаемой посадки неопознанных объектов. По мере изменения обстановки нас будут информировать, любые дальнейшие приказы будут транслироваться непосредственно вам в личный канал.

Сержант судорожно дёрнул манипулятором, словно хотел сделать какой-то человеческий жест, но не смог.

– Сейчас всем пройти в отдел технического контроля на перенастройку и разблокирование нейроконтуров, гермокостюмы и пояса манипуляторов будут активированы и ждать на складах, в случае приказа на боевое построение они будут готовы для каждого из вас. После перенастройки ветераны могут быть свободны в пределах трёхсот метров от центральных ангаров, мы уже разворачиваем полевую кухню. Курсанты по завершению необходимых процедур должны немедленно вернуться сюда для произнесения присяги. Всё ясно? Вопросы?

Вопросов не было. Если их приводили к присяге, значит боевые действия были неминуемы. После присяги рекрут становился бойцом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Миджер молча глядел на разбредающих товарищей, кто-то даже похлопал его по плечу, однако он не стал реагировать. Сержант... он что-то хотел спросить у сержанта...

- Курсант, ты чего стоишь?

- Разрешите обратиться, сорр.

Миджер произносил эти слова тихо, еле слышно. У сержанта хороший слух, приборы точнее человеческого уха.

- Слушаю, курсант Энис.

- Кто-нибудь смотрит за небом?

- Смотрят, смотрят. Не беспокойся об этом.

- Если прилетел один...

- То прилетит и другой. Командование знает это лучше нас обоих. На дальние подступы в траверсе орбиты отправлено три зонда, работают нейтринные ловушки. Если там что-то есть...

- Там обязательно что-то есть.

- Если это, например, не сорвавшийся с орбиты автомат из Железного пояса. Станция в восьми световых часах отсюда, а каналы подсвязи ещё не запитались после сигнала Группировке. Простой глупый автомат, сгорел в атмосфере, часть контейнеров на автономных отстрелилась, ушла вслепую по направлению на полюс. Пара часов - и всё выяснится. Так или иначе.

- Сержант, вы верите в сказки?

– Нет. Но мне положено верить во всё, во что прикажет командование. И тебе, кстати, тоже.

– Есть, сэр!

Миджер повернулся кругом и зашагал к приземистому ангару, где тремя подземными ярусами ниже укрывалась служба технического контроля. Было сыро, воздух был напоён ароматами мокрой листвы, но теперь этот запах отдавал лишь металлом. Не думать ни о чём, идти себе и не оборачиваться.

Платформа служебного лифта ушла вниз с глухим гудением, десяток переминающихся с ноги на ногу людей не был для приводов существенным грузом, однако в звуке этом слышалось напряжённое ожидание. Или это Миджер подсознательно пытался приписать собственные желания неживым предметам... Как бы он хотел быть таким же сильным и бесчувственным, готовым выполнить поставленную перед ним задачу, не думая ни о чём.

– Курсанты, не стойте, в том конце есть ещё два обслуживающих аппарата. Вам нужно торопиться.

Язык матерей плохо вязался с видом встретившей их женщины в штатной форме инженера. Серые разводы на ткани делали её фигуру громоздкой, а черты лица острыми, как бритвы. Она была, наверное, всего на пару лет старше Миджера, многим ветеранам в дочки годилась. Однако теперь они становились послушными исполнителями приказов, а потому слова вылетали сквозь зубы, как будто отдавая директиву бездушному автомату. И слова эти уже были почти неотличимы от жёсткого хитина языка отцов. Донёсшееся короткое ругательство эхом космоса прозвучало где-то в затылке. Ветераны живо вспоминали былое.

Миджер не стал ждать, пока все поймут, что куда. Он твёрдым шагом направился в тёмную глубину центрального коридора, тьма подери это всё. Разблокируйте мне нейроконтур, так все поджилки растрясёшь, пока своей очереди дождёшься.

Молчаливый техник из того же инжсостава усадил его на узкое металлическое сиденье, запрокинул голову, что-то недолго рассматривал, подсвечивая под руку фонариком, потом ловко начал вставлять шлейфы. На активный контур можно

выйти с использованием коротковолнового канала, лазерным пучком, просто кодированным радиосигналом, потребуется только подтверждение, но в мирное время никто бы не решился ходить целыми днями с разогретым нейроконтуром, а потому его сначала нужно было запитать. Даже в регулярных частях имплантанты часто разрешали (считай, приказывали) пускать вхолостую, столько неприятных даже для подготовленного бойца вещей они порождали в своей «горячей» фазе.

Миджер слушал поскрипывание металла о металл, и удивлялся своему наваливающемуся глухому спокойствию. Когда в двенадцатилетнем возрасте его вызвали в один из этих ангаров проверить приживаемость начинки, чтобы потом со свистом определить его в будущие рекруты, он первый раз так жутко, до дрожи, боялся. Однако включение контуров (внешних, куда там, конечно только внешних!) прошло гладко, даже иголки в ушах прошли буквально через пару дней. Теперь будет по-другому, теперь его никто не станет спрашивать, не тошнит ли его, только проверят...

По телу Миджера прошла дрожь, в животе стало горячо, а лицо словно ошпарили ультрафиолетом. За этой волной пошла вторая, ледяная, будто ощутимо мокрая. И тут же где-то в затылке гонгом раздался сигнал. Где-то в его переливах журчали настроечные тона канала, по которому Миджеру сгружали текущие позывные, коды доступа, физику стоящего сейчас на вооружении оборудования. Когда будет необходимо, он вспомнит всё сам собой, однако в тот момент даже мысль о каких-то активных действиях стала невыносима. Миджер чуть покачнулся на дурацком стуле, наваливаясь на техника.

Вокруг стало слишком много всего.

С громким воплем подбитой птицы мир кружился вокруг, раздаваясь вширь и ввысь. Рассыпались в пыль стены, воздух наполнялся мерцанием сигнальных линий, пол уходил из-под ног. Но силы вернулись удивительно быстро, наливаясь удесятерённой мощью. Так, аккуратно, не порвать с непривычки связки. Многочисленные вшитые в тело Миджера рецепторы, ретрансляторы, каскадные миоусилители, армированные полимерным микроволокном артерии – всё включилось в слаженную работу, но пользоваться этим арсеналом не во вред себе нужно было учиться. В теории это умение вшивалось в их рефлексы на «прогонах» курсов.

«Какое убожество... и на нас надеется Имайн!»

Миджер осторожно поднялся на ноги, жалкий инвалид, пусть с руками и ногами. Курсанты, рекруты... они все ни на что не годны, ни на что. Возле него ждали своей очереди ещё четверо – трое молодых и Старый Джеф, привычно придерживающий нечувствительную культю правой руки. Миджеру не понравился взгляд Джефа. Тот тоже не был готов ни к чему. Былые навыки поистерлись, да и имплантанты не вечны, какие из них бойцы. Неподготовленные горе-вояки и списанные со счетов инвалиды. Тот, кто ещё был на что-то годен, оставался в строю и погибал. Из всего их городка Миджер не сомневался только в решимости сержанта да почему-то дяди Остина. Он видел его мельком на плацу, тот стоял на правом фланге строя ветеранов и твёрдо смотрел прямо перед собой. Нужно будет его поймать наверху перед... перед присягой.

Миджер сделал шаг, другой. Теперь подземный бункер не тонул в темени тусклого аварийного освещения, он сиял сотней огней. У этой металлической дряни, что пронизывала его тело, были свои несомненные преимущества. По крайней мере фонарик теперь ему не нужен. Зато скоро с непривычки понадобится добрая порция стимуляторов и внутривенное впрыскивание витаминов и полисахаридов. Иначе он просто упадёт от усталости, даже не совершая физических усилий – истощённый подстёгнутым обменом веществ.

Схватив с замеченного у подъёмника подноса пластиковый пузырёк с концентратом и флягу минерализированной воды, Миджер пальцем ткнул сенсор, заставляя повториться гулкое движение платформы. Теперь оно даже сквозь рокот в ушах казалось скороговоркой многих слитых воедино движений. Сотни мельчайших механизмов обслуживали этот простейший агрегат, и каждый из них был различим ухом. Это может свести с ума. Или спасти многим жизни.

На плацу стояли двое. Сержант и дядя Остин.

Миджер словно знал...

Подойти, заговорить? Им явно сейчас не до него. Но ведь и ему теперь что – слоняться вокруг, привыкать к треклятому нейроконтурю? Ждать пока остальные подтянутся на плац? Бесконечно обшаривать доступные каналы в поисках обрывков информации?

Они молчали. Сержант включился, наверное, ещё до завершения той первой информационной передачи, а дядя, что ж, если племянник раньше всех прибежал, ему-то и подавно... Двое ветеранов стояли в шаге друг от друга, смотрели друг другу в глаза и молчали. Вот бы подслушать, о чём они говорят. Недовольное мерцание того, что заменяло сержанту глаза, говорило и слишком о многом, и почти ничего.

- Сержант, сорр.

- Вольно, ты ещё присягу не принял, можешь пока и без устава.

- Если присяга - значит опасность велика. Но мы же не сможем...

- Сынок, твой дядя тебе не рассказывал, что иногда в этом деле случаются и чудеса?

- Чудес не бывает.

- Бывают, ещё как бывают. А что касается степени опасности, да, её подняли ещё на один уровень...

Миджер почувствовал, как его качнуло. В уши набился дребезжащий звон, перед глазами вспыхнуло красное зарево, заслоняя мир, не давая сориентироваться. Кажется, он упал, но почти ничего не почувствовал. Сержант что-то продолжал говорить, а дядя уже тормозил Миджера за плечи. Отпустило его так же резко, как до того навалилось. Краски вернулись, звуки стали прорываться сквозь визг сорвавшегося с несущей волны аудиосигнала. Последней вернулась чувствительность пальцев. Руки были словно чужими.

Над ним стояли два ветерана, одному из них предстояло стать его командиром. Пока же из него вон какой вояка.

- Скис, пацан?

Миджер ненавидел, когда они переходили на язык отцов. На нём каждое слово казалось намеренным оскорблением. Отвечать не хотелось.

– Сами видите.

– А ну, подъём! Таких солдатиков поискать, крепкий, с аппаратом обращаться тебя учили. Нечего тут разлёживаться.

Миджер поднялся, ненавидя всех и вся.

– Если не хочешь, чтобы на присяге повторилось то же самое, прозвони контур на приём, это у тебя реакция на канал.

Как же он забыл про этот проклятый канал. Информер на его запястье погас, словно выключенный. Пока его имплантанты активированы, вся связь идёт через них. Пришёл кодированный пакет, вот он и отрубился. А что...

– А что было в сообщении? Тестирование я запустил, но архив будет доступен только по завершении.

Дядя Остин и сержант переглянулись.

– Объявили причину повышения уровня. У Каньона, на том берегу Риолы, погасли сразу три станции слежения. Радарная сетка нарушена, но тектоническая расшифровка ничего пока не дала. Может, они там и приземлились.

– А основное тело?

– Упало дальше, на продолжении инерционной. Там всё мертво, да и радарная система продолжает функционировать, никаких следов. А здесь...

– Значит, всё-таки это враг.

– Не нам с тобой решать. Миджер, не нам.

Он знал, что сержант так ответит.

Миджер прислушался к тихому стрёкоту тестируемых подсистем, кивнул сам себе и нарочито медленно встал по стойке «смирно».

– Разрешите отправиться на плац?

– Иди уж.

Кругом уже стояла суета. Курсанты и ветераны возвращались наверх, у многих в глазах будто стояла пелена, однако последнее известие сумели получить многие, а кто не сумел вовремя догадаться начать проверку нейроконтра, услышал её от других. Растерянности в глазах почти не осталось. Враг. Это не далёкая и полузабытая война, это вот, здесь, у самого порога.

Чувствовал ли Миджер то же самое? Он был в этом совершенно не уверен.

А покуда между корпусов тесно стоящих зданий замелькали быстрые фигуры людей, облачённых в «защитники». Рейнджеры исполняли роль милиции, следя за порядком и участвуя в основном в разных спасательных работах. Среди них было много женщин, а также тех, кто по физическим данным не годился в рекруты, да и нейроконтра у них были имплантированы в основном невоенного образца, наподобие тех, что использовались монтажниками на крупных стройках. Однако у рейнджеров было то, чего не было у нас, рекрутов – опыт работы в чрезвычайных ситуациях, и то, чего не было у ветеранов – молодость и здоровье. Если привлекли их, значит, командование гарнизона готовится к самому худшему – к прямым столкновениям, что для нас означало одно – потенциальные жертвы. А значит – лучше погибнуть самому, чем дать погибнуть тому, кто не родился в шкуре рекрута. Смертники идут впереди.

Миджера передёрнуло. Хотя, да, страха он уже не чувствовал. И мысли о скорче уже не вызывали ничего, кроме омерзения. Если уж так случилось...

Под грохот кованых каблуков курсанты выстраивались вдоль плаца, почти не глядя друг на друга, думая каждый о своём. Кто-то молился, кто-то кого-то проклинал. Всё бессмысленно. Во вселенной, которая вертела чужими жизнями, как хотела, всё это было бессмысленно.

– Я, Миджер Энис, рождённый на Имайне, человек, законно избранный рекрут пространственных сил, перед лицом своих сограждан, официальных представителей гражданского правительства Имайна, а также уполномоченных лиц военного гарнизона, принимаю на себя все права и обязанности воина

Регулярных Пространственных Сил Человечества, обязуюсь беспрекословно подчиняться приказам командования, быть преданным делу освобождения человеческих колоний от угроз со стороны врага, стойко переносить все невзгоды, которые будут сопровождать службу. Моя жизнь принадлежит Человечеству, и я не оставлю свою службу, пока оно будет во мне нуждаться. Мы покинули Священную Землю, Старую Терру, но мы остались едины перед лицом опасностей из глубин Вселенной, и да пребудет с нами...

Миджер запнулся. Его не слушали. Его не слышали. Его присяга вдруг стала пустым набором фраз, которые не были никому интересны. Все собравшиеся слушали сейчас только самих себя. Слушали новости через нейроконтур.

Пришёл очередной кодированный сигнал. И жизнь вокруг замерла в страшном прозрении. Всё было кончено.

«Последнее сообщение со станций слежения. Нейтринные ловушки обнаружили на подходе к Имайну источник сильного флуктуирующего потока частиц. Объект неизвестной природы, на него экстренно перенацелены сканирующие гравиметры и орбитальные электромагнитные радары. Тело было зафиксировано в десяти радиусах ЗВ Имайна, расчётная вынужденная траектория выходит на нормальную круговую. В отличие от совершившего аварийную посадку первого неопознанного модуля пришелец имеет значительно большую массу и погружаться в атмосферу не способен.

В связи с тем, что неопознанный корабль идёт на форсаже, и связь, а также визуальная идентификация его пока не возможна, правительство Имайна повышает уровень опасности до максимального. Всем гражданским приказано в течение пятнадцати минут прибыть к отведённым им ячейкам спасательных бункеров. Рекрутам, рейнджерам и ополченцам принять максимальную боевую готовность и находиться в распоряжении непосредственного командира. Вся власть до дальнейших распоряжений передаётся военному командованию гарнизона».

Неопознанный космический модуль мог оказаться только «хозяином» сгоревшего разведчика. Рейдером врага. Небесным убийцей, не знающим жалости. Что они могли этому противопоставить? Только свои жизни.

Миджер знал, что происходит с планетами, которые находят.

А флот... флот прибудет так быстро, как только позволят прыжковые двигатели кораблей. Слишком поздно.

Когда мне исполнилось двенадцать, я уже вполне чувствовал себя способным постоять за себя. Это было обычным мальчишечьим заблуждением, основанным скорее не на силе кулаков, а на ежедневной практике звериной жизни «социалки». Именовавшиеся в просторечье бандами, эти плохо организованные стада детишек позлобнее и покрупнее, старались меня не трогать, имя Майкла стало своеобразным паролем для «слабаков», пытающихся хоть как-то защититься от безумия, с которым они не хотели иметь ничего общего. Никого это, конечно же, ни от чего не спасало, но истории о моих, вымышленных в основном, похождениях бродили по ярусам школы, доходя и до учителей, и до директора.

Не знаю уж, какую реакцию всё это вызывало, но фактом остаётся то, что я не могу припомнить ни единого случая, чтобы мне приходилось на практике доказывать какому-нибудь очередному верзиле со здоровыми кулаками, переехавшему с родителями из другого района, что меня не нужно пытаться задирать. Выглядел я невыразительно, никаких шрамов через лицо, никаких ободранных костяшек пальцев, весил я тогда от силы килограмм сорок. Но рассказов и одного холодного взгляда хватало, чтобы отбить охотку у умных. Совсем глупые встречались реже.

Мой одноклассник, из самых «слабаков», корчился в коридоре, прижатый коленом одного такого «новенького», негритоса пятнадцати лет и солидных размеров, пока тот деловито копался в его сумке. Я, не останавливаясь, рубанул верзиле сбоку по шее, даже не оборачиваясь на сдавленный хрип и глухой стук пустой головы об пол. Как уже было сказано, я мог постоять за себя, Мартин часто хвалил меня за отличную реакцию и здоровую агрессию. Тем более что школа-школой, а в туннелях мегаполиса тебя никто не знает, и появления полиции там часто дожидаются только трупы и вовремя потерявшие сознание.

К слову сказать, несмотря на нередко резкие замечания Мартина, моя слабая детская надежда постепенно перерастала в уверенность и к двенадцати годам стремительно переросла в самоуверенность. Для пущего эффекта добавьте невесть какими судьбами доставшийся мне дешёвый пластиковый разрядник из числа тех, что пользовались спросом на чёрном рынке. Эту опасную игрушку я впервые заметил у одного из «наших», мрачного молчаливого мужика лет

двадцати пяти. И, хотя я знал, что Мартин таких вещей не одобряет, обладание такой штукой стало моей навязчивой идеей. Уж не помню, как мне это удалось, с мелочью типа меня никто бы связываться не стал, однако теперь я брал её с собой при всяком удобном и неудобном случае, заглушая голос разума рассуждениями о том, что от выстрела кулаками не защититься.

Даже заблокированная, моя «пукалка» возносила меня на вовсе невозможные вершины мира, я казался себе сильной, хладнокровной личностью, подобной героям фильмокниг, которые я читал когда-то. Теперь, понятное дело, мне было не до них, даже уроки стремительно наскучивали, мне уже начинало казаться, что зачем вообще это нужно, если сильный человек везде прорвётся, получит всё, чего пожелает от этого мира. Обычная инфантильная мания величия.

Я вспоминал свой старый ржавый гвоздь, что выбросил по настоянию Мартина, и смеялся над своей наивностью. Я не собирался загреметь на малолетку, и уж тем более по-взрослому. Потому что если что – попадаются только клинические идиоты, не способные замести тривиальных следов и совершающие одну ошибку за другой. По вечерам я насмотрелся криминальной хроники – стоило приложить малость сноровки, и участники разной степени тяжести происшествий просто оставались ненайденными – полиции и корпоративным эс-бэ не удавалось справляться с растущим валом бытовых и межсоциальных конфликтов в громадных людских муравейниках мегаполиса. До суда и приговора доходили только самые вопиющие, или самые глупые случаи – «бытовуха», глупейшие грабежи и «политические» убийства. За последние, я подозревал, казнили кого угодно, только не истинных виновников.

В общем же я чувствовал собственное право на владение в двенадцать лет незарегистрированным «оружием террориста» чем-то само собой разумеющимся, мне и в голову не приходило, что расплата за глупость уже близка. И выплачивать проценты за этот долг мне придётся долгие годы, выплачивать кровью, болью, жизнями близких и предательствами – предавали меня, предавал я. Последней платой за глупость подростка, почти мальчика, будет он сам, его имя, его жизнь. Но до этого ещё очень далеко, и ничто не предвещает нависшей надо мной опасности. Впрочем, куда большая часть моей судьбы довлела надо мной с рождения, дарованная мне случаем, которого я не просил, от которого я не мог отказаться. Просто требовалось время, чтобы ей проявиться во всей силе.

В тот день последним уроком в социалке был урок истории. Страшное усатое училище преподавало нам этот предмет так, словно мы заслужили вместо него как минимум порки, но везение наше было так велико, что позволяло нам вместо простого физического наказания испытывать муки душевные. Впрочем, они были вполне терпимы, только невероятно скучны.

– ...что и послужило основным поводом к Сахарской войне. Конечно, олухам вроде вас несколько не интересны эти детали, но я расскажу, коль уж должен. Арабские монархии и мусульманские теократии начала двадцать первого века исчерпывали свои казавшиеся бесконечными ресурсы, наблюдая, как Европа твёрдо купирует антисоциальные настроения внутри себя, постепенно всё дальше и дальше отдаляясь от раздираемой террором Америки. Сокрушённая коррупционной экспансией с Востока и неконтролируемой миграцией с Юга, Россия так и не стала для «революции бедноты» тем плацдармом, на который могли бы опереться моджахеды. Карьеры посреди болот – не слишком плодородная почва для теологических диспутов, тем более что Америку раздирали на части террористы и внутренние конфликты, она не сдавалась, вытягивая все богатства своих сателлитов. Мусульманский мир слишком поздно понял, что боролся не с тем противником. Америка была уже слаба, но выглядела сильной до самого конца, а Европа... она вовремя нанесла решающий удар, и последовавший в ответ голоду и недостатку воды хаос в крупнейших арабских униях завершил дело. Война была выиграна, не начавшись, отгородив мусульман Азии и Африки от Европы жёсткими миграционными барьерами, огромными пустынями и десятками лет технологического отставания. Войны двадцать первого века принято выигрывать до их начала...

Я выбежал из класса, стоило только прозвенеть звонку на наших ай-би[4 - Ай-би – информационный браслет, универсальное средство связи, терминал т.н. «тонкого клиента» – распределённого компьютера]. Я терпеть не мог эти занудные рассуждения о том, что давно прошло. В голове у меня шумело лишь место и время, где мы договорись встретиться.

Высокий мужчина в тёмном комбинезоне со скучающим видом прохаживался между опор моста 8—35, который мы часто называли «горбатым». Мне было сказано, что именно у третьей опоры будет ждать меня связной, который сообщит время и место. Замерев у последнего угла, за которым ещё можно было прятаться, я долго не мог решиться – выйти означало согласиться на предложение, обратно пути не будет. Может, стоило посоветоваться

с Марином? Но мне упорно казалось, что он мне запретит участвовать в этом деле, а отказа я принять не мог. Значит, выбора нет. Если хочешь начать свой собственный путь в этом мире – дерзай, а нет – всю жизнь будешь прятаться за спину матушки и тренера. Последнее мне казалось почему-то особенно неприятным.

Тот тип встретил меня спокойным оценивающим взглядом. Казалось, за моей щуплой в общем-то фигуркой он усмотрел видимое лишь одному ему. И кивнул.

– Нам нужна одна вещь.

– Всем нужны вещи. Я знаю правила. Вы готовите операцию, даёте вводную, я только исполняю.

– Тебе не интересно, что это такое?

– Нет, если оно поместится в карман. За габарит я не берусь. По понятным причинам, – я пожал плечами.

– Годится. Треть платы вперёд. На половину не рассчитывай, мы тебя не знаем.

– ...хорошо. Но учтите...

Человек рассмеялся, его смех был скорее нарочитым, нежели искренним.

– Мы учтём. А ты парень не промах!.. Впрочем, посмотрим тебя в деле.

Не успел я опомниться, как у меня в кулаке оказалась зажатой одноразовая информационная капсула, а человек растворился в сгущающемся обеденном смоге.

Остаток дня я таскался по окрестностям, переходя с уровня на уровень и не смея разжать кулак. Проверка по терминалу, что я нашёл в банковском зале южного вокзала, показала, что солидная сумма – обещанный аванс – уже лежит на анонимном временном счете одного из банков «Джи-И». По идее мне стоило сразу снять все деньги, чтобы перевести их в другую такую же анонимную ячейку какой-нибудь мелкой корпорации, но мне показалось это неприличным –

если я не собирался слинять с деньгами, зачем так делать?

Я вернулся домой, так и не решившись связаться с Мартином, и сразу же заперся у себя в комнате, не говоря ни слова матери. Тщательно прослушав три отведенных мне раза видеодорожку, просмотрев полупрозрачные голографические схемы, я не нашёл ничего более умного, чем сразу же уснуть. Спать я умел в любых условиях, не мучаясь мыслями. Слишком часто я ложился в кровать смертельно усталым, с ободранными локтями, да и с пустым животом.

Наутро я проснулся. Как ни странно, ничего из головы не выветрилось, в том числе моё желание вырваться из этого круга, который давил на меня, от всех этих одноклассников, сумрачных фигур вечерних трудяг в дурно пахнущих химией робах, возвращающихся домой тёмными переходами. Думал ли я о Мартине как о части всего этого? Наверное, нет. Я был ещё пацаном, глупым до одурения, но мнящим о себе невесть что. Я считал себя достойным большего, и потому ещё в полшестого вышел из дома, тихо прикрыв дверь, чтобы не разбудить маму.

Уже через полчаса я был на нужном уровне, напротив одного из погрузочных порталов биологического процессора, расположенного в двух десятках километрах от нашего многоквартирника – это был сектор, где было особенно много зданий, контролируемых «Эрикссоном». Я знал, что именно эта корпорация скупала земли вокруг нашего старого дома, и должна толика злорадного желания насолить цвела во мне пышным цветом.

Теперь нужно было дождаться кодированного сигнала.

Собственно задание мне предстояло простейшее – проникнуть на территорию, затем вернуться той же дорогой обратно. Всего и дел. Однако стоило мне спрятаться за каким-то трансформаторным боксом, тут же накатило: что я тут делаю?! Куда я лезу? Зачем!

Отступить сейчас – они меня толком не знают, не найдут ни за что! Но стыд, боже, какой стыд... чувствовать потом всю жизнь собственную ничтожность, неспособность совершить что-то героическое, вырваться из этого круга бессмысленной жизни, который уже сожрал моего отца, и теперь я видел, как туда же, в эту серую мглу безвозвратно уходила мать. Чёрт побери, я должен был сделать это хотя бы ради неё.

Я уговорил себя, глупый возомнивший о себе щенок. Дрожь в коленях прошла, и тут же зазвенел зуммер. Пора.

Мелким шагом, полусогнувшись, я стал осторожно пробираться к краю полотна, где чернели невысокие, покрытые пластиком перила. Там должен быть спуск к выходам аварийных клапанов. Именно там мне предстояло затаиться. Сейчас пересменка, меня не должны заметить, а автоматика, успокаивали меня наниматели, начинает отслеживать движущиеся объекты только со второго пролёта пандуса, на краю которого я стоял.

С коротким резким выдохом я дождался порыва морозящего ветра, моё движение слилось с ним, и вот я уже висел над пропастью. Тому, кто не вырос в лабиринте многоярусных высоток, стало бы не по себе, я же думал только о пальцах, что вцепились в мокрый прорезиненный край бетонного полотна. Вроде не должны заметить, запись даже на ручной перемотке покажет смутную тень, что мелькнула и пропала. У «Эрикссона» наверняка есть камеры и снизу, но они дешёвенькие, работающие с задержкой. Так говорил файл в моей голове. Впрочем, если ему верить, очень скоро охрана будет занята совсем другим – а после... пусть просматривают, мучают мощные графические фильтры, пытаюсь извлечь из логов следящих камер хоть что-то внятное.

Я вцепился ногами в холодный металлический пилон, уходящий куда-то наискось, отпустил сначала одну руку, потом другую... мои заказчики не подвели – ноги сами упёрлись в поперечную балку. Теперь прижаться к ней посильнее, распластавшись в полумраке под пандусом. И ждать. Эта работа всегда такая – три шага и снова замереть, балансируя на одной ноге в ожидании момента, когда можно будет сделать ещё шаг. Если так, то сериалы в сетях безбожно врут.

Но на этот раз долго ждать не пришлось. Словно кто-то всё-таки следил за мной, едва я вцепился всеми руками и ногами в ледяное железо, как тут же где-то внутри процессора раздался утробный звук, переходящий в пронзительный визг. Вот они, темнеющие по периметру здания отводы перегретого пара из смердящих органикой недр процессора. Туда мне и надо, только полный кретин сунется в них – кругом датчики, монтажные люки заперты с той стороны, да и возможность аварийного выброса...

Именно в этот момент, под нарастающий грохот гибких сочленений пандуса, под рёв вырывающейся из-под контроля энергии, я вдруг почувствовал, что больше

не дрожу, как лист бумаги на ветру. Дороги назад не было, и если я уж взялся, нужно было идти до конца, а сколько тебе лет – никто не спросит.

Балку потрянуло так, что я чуть не полетел вниз. Двумя вальяжными столбами освободившийся пар валил в воздух по обе стороны пандуса, заполняя пространство вокруг меня едким запахом реактивов. Так, теперь вперёд, пока камеры слепы, по плану у меня было около шести минут, чтобы подобраться к раструбам и дожидаться, когда они достаточно остынут. Пробираясь в лесу балок, я вспоминал презрительное лицо того мужика. «Допрыгнешь, пацан?» Если бы я и вправду был так в этом уверен... Но тогда я согласился, упрямо глядя в эти ледяные глаза.

А сейчас... сейчас я стиснув зубы продолжал считать про себя мгновения – оторвать руки от балки, чтобы глянуть на хронометр ай-би.

Пар валил и валил из раструбов, но сила его уже спадала, рёв и свист сменились тихим шипением, сквозь серую пелену уже неслись первые капли дождя – верный признак, что температура падала. Жуткий запах стал почти терпимым, и мне уже почти удавалось выделить на возносящейся ввысь бетонной плоскости темные отверстия раскрытых шторок – отверстий выхлопных камер. Пора прыгать.

Уперев подошвы ботинок в край балки, я бросил своё тело назад, выгибаясь дугой, рыстопыря руки. Прыжок не из приятных, у меня судорожно ёкнуло сердце, но я твёрдо верил – это расстояние я могу пролететь, на тренировках, правда над твёрдым полом, я делал и не такое, а вчера нарочно у дома перелетел спиной с одного помоста на другой – невесть какой подвиг, но расстояние там было такое же. Размышлять сейчас над тем, смог ли кто-нибудь из моих ровесников вытворить нечто подобное, мне было некогда. Пальцы скользнули по горячему металлу, вцепляясь в самый край раскрытой перпендикулярно стене шторки. Ноги крепко ударились с размаху о стену, и я с ужасом услышал скрежет где-то за спиной, в сочленении. Теперь я понял, почему они наняли меня. Взрослый здесь бы сорвался – крепление еле держало.

Судорожно выдохнув, я подтянулся, забрасывая ноги в проём. Воняло тут отвратительно, стены узкой камеры были покрыты свежим белёсым конденсатом, воздух был жарким, но уже не раскалённым, хотя какой тут воздух... Я еле откашлялся, и, сквозь брызнувшие из глаз слёзы, ощупью пополз вглубь камеры. По схеме здесь должен быть инженерный люк, оснащённый

датчиками, как положено, однако сейчас они должны не работать – красный сигнал на пульте дежурного гарантирован, но выброс был экстренным – сейчас половина стены сверкает, именно на это рассчитывал тот, кто составлял план. И пока всё шло удивительно слаженно и гладко.

Я прополз ещё метра два, тут от камеры коллектора уходили веером три раструба напорных труб. Люк должен был быть где-то рядом. Мои ладони, дрожа, шарили по склизкому коллоиду, осевшему на стеках камеры, разглядеть я ничего не мог. Чёрт, как же отсюда возвращаться, если...

Раздалась металлическая дробь, сквозь белёсый туман остатков выброса проникла щёлка тусклого света. Я мешком вывалился в тёмный коридор, закрывая за собой чёртов люк. Нужно двигаться, иначе или на ремонтную бригаду напорешься, или сработает дальний датчик движения. Поблизости приборов слежения по плану не располагалось, так что основной опасностью для меня сейчас был персонал процессора – что они могут подумать, встретив посреди тёмного коридора измазанного пацана в сером комбинезоне и со следами коллоида на лице? Отведут к маме, так точно. Или... или не отведут.

Я мучительно вспоминал путь вверх, где меня должен был ждать терминал. Кажется, отсюда направо и по вспомогательной лестнице, открытой сейчас по случаю аварии, подняться на два пролёта, а потом – кругом, по опоясывающему процессор кольцевому коридору до первого пульта. На словах всё просто. Если бы тут не было людей.

Первый раз мне повезло – уже забравшись с ногами в проём лестничного колодца, я услышал внизу быстрые шаги. Однако шедший даже не остановился, спеша по своим делам, да и в полумраке аварийного освещения оставленные мною следы не так уж бросались в глаза. А вот наверху я, выглянув, заметил сразу трёх операторов в белых комбинезонах с эмблемой «Эрикссона» на спине. Они о чём-то живо спорили, потом один убежал, а двое начали что-то отбарабанивать на листах сенсорных клавиатур. Спрятавшись обратно в колодец, я чуть не скрипел зубами. Время стремительно убегало, и если эти сейчас не уберутся...

Они убрались. Раздался короткий требовательный свисток, и, пробормотав в переговорники «сейчас, уже бежим», оба оператора поспешили в противоположном от меня направлении. Так. Бегом!

Я подскочил к терминалам в три прыжка. Они были здоровые, с множеством каких-то полупрозрачных, на вид очень подробных схем. Мне нужны были не они. Я по инструкции прощёлкал последовательно по цепочке разворачивающихся панелей, ввёл семибуквенный код, снова углубился в дебри сервисных меню, пока не попал в длиннющий список, состоящий из текущего времени, сегодняшней даты и длинной колонки цифр и точек. Кажется, это были узлы каких-то сетей, но такой нотации я ещё не видел – знаки делились неравномерно, иногда следуя шестисимвольными цепочками, а иногда всего двузначным числом. Кажется, я там видел и хексовые[5 - Хексовый символ – шестнадцатеричное машинное число] символы, это явно были технические, не предназначенные для ручного просмотра логи. Мне нужно было запомнить хотя бы несколько самых распространённых корневых кодов, и ещё несколько целиком, сколько смогу. Приказ был ничего не записывать, чёрт бы побрал этот план.

Потаращив немного глаза на серое полотно потихоньку проскальзывающего вниз лога, я ничего так и не сумел понять. Цифры как цифры. 140, 156, 288 – эти были почти в начале каждой строчки, плюс я попробовал запомнить какую-нибудь из подцвеченных белым редких строк – быть может, они имели какой-то смысл, но не для меня. Вообще я на память не жаловался никогда, и в спокойной обстановке мог бы затвердить с пол-экрана, но тут, впопыхах...

Закрыв все окна, я уставился на ай-би. Времени было катастрофически мало. Последним движением я сорвал с пульта пломбу и вытащил из-под крышки какую-то деталь, юнит памяти, которую мне было приказано прихватить «для отвлечения внимания». Мигнул красный алерт и пропал.

Послышались торопливые шаги, и я рванул дальше по коридору, против часовой стрелки, высматривая в потолке инженерный люк. Внутренние стены были утыканы рукоятками для удобного подъёма на трехъярусные панели с датчиками, видимо, оптоэлектронику тут тщательно дублировали механическим индикаторами. Но внешние стены, которые и вели к коллекторам, были чисты. Ни следа люка. Я уже успел изрядно снова испугаться, как шаги позади меня неожиданно отстали, я выскочил на развилку, тут же увидев над головой тот самый проём. Рядом мерцал зелёный огонёк, так что меня буквально вынесло вверх, едва давая время убрать ноги из-за захлопывающейся створки. Технический уровень был таким же серым, как тот, внизу, местами его стены покрывали свежие потёки коллоида, тут следы выброса были даже вдали от внутреннего люка коллектора. Слово его дверца была уже распахнута, когда

случилась авария. Да, конечно же, она была открыта, но внизу крышка устояла на страховочных фиксаторах, а здесь распахнулась настежь, впуская внутрь знакомый уже удушающий запах палёного.

Единственно – сейчас она была закрыта.

Я в панике бросился к рукояти механического запора, но та не поддавалась. Мои отчаянные рыки не возымели действия. Створка была плотно утоплена во внешней стене, намертво прихваченная электромагнитными захватами. Кажется, я со стоном упёрся ногами в стену, из всех сил пытаюсь сдвинуть треклятую рукоять, даже прорычал сквозь зубы что-то совершенно неуместное в исполнении юного пацана. Я не мог успокоиться, я не знал, что делать. Там, в выводном канале коллектора, меня ждал путь к свободе. А сейчас чёртов процессор стал для меня огромной ловушкой.

Сквозь пелену в глазах я услышал за спиной смех. Так смеются только уверенные в себе люди. Отсмеявшись, человек спокойно дал команду:

– Взять.

Кажется, я пытался сопротивляться, ударил – жёстко, костяшками в горло, как учил меня Мартин – потом попытался вывернуться из на секунду ослабевших пальцев, но только ткнулся носом во что-то твёрдое и мир вокруг меня разом стал невзрачным, неинтересным, далёким и глупым. Я сидел на полу камеры полтора на полтора метра, и надо мной возвышался тот, смеявшийся.

– Очнулся? Поговорим.

Меня часами спрашивали о чём-то, мне непонятном и неинтересном, их было несколько, спрашивали по очереди, били тоже по очереди – били умело, причиняя невыносимые спазмы боли, но не оставляя следов, и уже спустя пару минут горячая волна боли превращалась лишь в холодную пустоту.

Спрашивали сначала о тех, кто меня послал, что я нёс, что я узнал. Мне почти нечего было сказать, они не верили.

Когда я вдруг почувствовал, что есть во всём этом чудовищном океане страха кто-то третий, не я и не тот, кто меня спрашивал, это было словно озарение. От меня хотели не имя того, чьего имени я не знал, слишком сложную ловушку сочинили для меня, никому не нужного, ничего не знающего и не умеющего. Искали кого-то третьего. Он проник в охраняемый процессор, готовый к обороне, он перехитрил корпоративную охрану, поджидающую любого, кто посмеет попасть внутрь. И ушёл.

Я не знал его имени, я не знал, как он выглядит, я не знал, существует ли он за пределами моего воспалённого воображения, но я чувствовал его суровую ухмылку, и я начал его придумывать.

В моих ответах начали скользить недомолвки, скрытность, попытки сторговаться, каждый раз ответ моих мучителей был всё суровее. Я заметил что тот, главный, уже давно – час? сутки? – не появляется, но незримо присутствует на каждом допросе. И тогда я сломался.

– Кто он?

– Я не знаю его настоящего имени, при мне его называли Вальдемаром.

– Может, Владимиром?

– Может. Я плохо помню, голова болит. Он должен был пойти вторым, но мне обещали, что и меня вытащат. Видите, не вытащили.

– Таких, как ты, всегда сдают. Как он выглядит, этот Владимир?

Передо мной словно встал образ. Человека в длинном пальто, словно из старого мультикомикса.

– Высокий, с мягкими чертами лица, лицо обычно словно чем-то озабочено, складка у губ.

Голос хриплый.

Лёгкий, едва заметный акцент.

И улыбка.

Откуда я это знал? Ниоткуда. И говорить правду я не собирался. Меня подставили заказчики, а не он. Мне ему не за что мстить.

Странно, но моих слов хватило. Меня ещё немного поспрашивали, для виду, я поизображал испуганного подростка, которым и был, а потом меня оставили одного.

Для больного, истратившего последние силы существа камера полтора на полтора может показаться и крошечным ледяным колодцем, и огромным царством. Я не стал ни кидаться на стены, не испугался и вдруг наступившей каменной тишины.

Я просто растянулся на жесткой койке и заснул. Мне нужно было ждать, и звериное чутьё приказало организму исполнять. Мне ничего не снилось.

Наутро – если это было утро, я окончательно потерял счёт времени – меня разбудили двое охранников в чёрной униформе. Меня повели куда-то длинными коридорами без дверей и окон, а потом вдруг я остался один, за мной захлопнулась тяжёлая сейфовая дверь, а вокруг было неожиданно много солнца. В мегаполисе вообще редко его видишь, с таким ярким светом у меня ассоциировались дни детства, когда я возился в оранжерее отца. От неожиданности я никак не мог проморгаться, вокруг звучал шум улицы, вдали грохотала тяжёлая техника, сверху доносился свист монорельсовой подвески. Это всё было так... неожиданно.

– Майкл, ну и как ты угодил в эту передрагу?

Голос Мартина был насмешлив, но заметно напряжён. Так вот кого я должен благодарить за избавление...

Только теперь я заметил его фигуру всего в паре шагов от себя. Глаза постепенно приходили в норму, солнечное тепло даже потихоньку начинало растапливать казематный холод, пропитавший меня насквозь.

– Ты не поверишь.

- Почему не сказал мне?

- Разве ты не стал бы меня отговаривать?

- Но ты же видишь сейчас, что я был бы прав.

- Да, но тогда я не знал, что так случится.

Я узнал это место - самый центр области мегаполиса, контролируемой «Эрикссоном». Всего в нескольких километрах отсюда был мой дом. Жалко, что мне не вернули мой ай-би, можно было бы позвонить маме...

- О матери не думал, значит.

Я отвернулся и пошёл к ближайшему лифту на транспортный уровень - вынесло меня на поверхность корпоративного муравейника у самого основания города - иногда мы на земле не бывали месяцами, и подниматься отсюда было долго. Пусть Мартин разговаривает, о чём хочет, я сам с собой разберусь.

- За чем хоть тебя посылали?

Поймав себя на странной мысли - а могу ли я ему доверять - я всё-таки ответил:

- Какие-то дурацкие логи.

- Как ты догадался, что тебя подставили?

- Догадываться не пришлось. Они сами мне дали понять, что им нужен не я.

Мартин как-то глубокомысленно хмыкнул, потом схватил меня за руку и заставил остановиться. Наклонившись, он глядел мне прямо в глаза и словно что-то хотел там прочитать.

- Станный ты парень, Майкл, всегда таким был. Будто ты не пацан малолетний, а нечто иное под личиной ребёнка.

– Я не ребёнок.

– Хорошо. Ты не ребёнок. Тогда зачем ты туда полез...

Я не стал отвечать. А Мартин оглянулся по сторонам, до ближайших стен было метров сорок, людей не было. Он наклонился к самому моему уху и прошептал:

– Ты можешь вспомнить?

– Что?

– То, что тебе заказали вынести оттуда. Только тихо. Напиши мне вот здесь.

Он протянул мне обычный листок бумаги и ручку для письма. Откуда у него такая. Кому ещё нужна вся эта чушь, что я там тщательно запоминал? Я послушно написал на листке печатными, корявыми с непривычки буквами:

«Корневые группы кода – 140, 156, 288, на трёх экранах чаще всего – последний, а особенно – 288—2253-FFB8—1—235—18C. Запомнил в точности».

Мне показалось, или лицо Мартина на мгновение дрогнуло? Он свернул бумажку, поджёг её и растёр в ладони пепел.

– Молодец. Пошли.

Больше по дороге мы не разговаривали. На дальнейшие расспросы у меня не было сил, а Мартин мне, видимо, ничего говорить не хотел. Ну и к чёрту, и так я ввязался невесть во что.

Расстались мы у моего подъезда. Мартин пожал на прощание руку и сказал «приходить, когда оклемаюсь». Я пообещал, что не задержусь. На том и разошлись.

Мама встретила меня странно – словно я и не исчезал никуда, пригласила за стол, хорошо накормила. Я думал, что у меня кусок в горло не будет лезть, однако поел с удовольствием, изредка поглядывая на мать. Что ей такое наговорил Мартин? Уж отодрать меня за уши у неё были все причины. Однако

она улыбалась, предлагала добавки и вообще выглядела живее, чем обычно.

Я поел, поболтал с ней о каких-то пустяках, потом она всплеснула руками и принесла мне из другой комнаты ай-би, в точности как мой – «что же ты забываешь, а вдруг маме тебе что сказать нужно». Вот это «мамe нужно» меня смутило, но сейчас мне было не до разговоров – после еды и с общего перепугу мне страшно захотелось спать. Я пробормотал что-то извинительное и выполз из-за стола.

Уже борясь со сном я сумел выползти в сети и проверить через банковский инфодок состояние того самого анонимного счёта. Мне уже казалось, что и денег там нет, и счёта самого. Но сумма аванса была на месте. Вздохнув свободно, я собирался уже было отвалиться от терминала, отключая ай-би, но в последний момент задержался – сумма в кредитном окне мелькнула и удлинилась на одну цифру. Под выпиской транзакции стояло непонятное – «в связи с изменившимися обстоятельствами». Этими обстоятельствами, мне стало понятно, был Мартин. И, быть может, тот код-адрес, что я ему записал.

Отрубился я крепко, и когда, проснувшись, взглянул на время, уже было позднее утро. Почти сутки сна. И как раз нужно было вставать ко второй смене социалки.

Кое-как перекусив, я с удивлением ощупал себя, почти не замечая боли, которая меня мучала ещё вчера. Всё-таки тренировки Мартина не прошли даром. Пропускать занятия повода не было, так что я решил, что зря злить преподавателей не стоит. Попрощавшись с мамой, я выбежал из дома.

Всё произошло в двух кварталах. Какой-то тип лет двадцати с чем-то задел меня плечом, так что я чуть не полетел на асфальт.

– Пацан, гляди, куда прёшь!

И смех, такой дебильный. Ненавижу.

Обычно я не связывался с подобными, да и Мартин учил не показывать силу на людях. Но сейчас, после всего произошедшего за последние дни в меня словно бес вселился.

Первым, коротким и жёстким ударом я разбил ему коленную чашечку. Когда этот кретин с глухим всхлипом начал заваливаться, я ещё успел ему врезать коленом. Уже лежащего я долго с упорно бил ногами – с остервенением, которого давно за собой не замечал. Кровь и слюни заливали асфальт, моя жертва конвульсивно дёргалась, я бил, не останавливаясь и особо не целясь.

Когда раздался далёкий свисток полицейского, я тут же юркнул в ближайший подъезд.

Что стало с тем типом, не знаю. Но больше в своей жизни я не срывался так никогда. Безумные глаза того, чья вина была не так велика, служили мне уроком. Наказание должно быть равнозначным содеянному.

Уровень был техническим – кто в здравом уме будет соваться в эту мешанину коробов, силовых линий и импульсных антенн. Мир тут словно окончательно становился вертикальным – подымаясь на дыбы и теряя человекоподобность. Хищные гребни и жёсткие острия царапали глаз, стены давили, нависая; даже ему, почти не знавшему жизни за пределами мегаполиса, здесь было неуютно.

Неба привычно не было – только серое марево да едва различимый отсюда мутный диск луны, из последних сил прорывающийся сквозь рваное покрывало смога. Под ногами тоже клубилась подсвеченная изнутри миллионами огней бесцветная бурая муть, растворённое море миллионов выдыхов, пропущенное через экологические фильтры, но всё равно полное людских страданий и несбывшихся надежд. Мир без неба и земли, мир, состоящий из одних стен – подчас невидимых, и границ – подчас физически ощутимых.

Над ним сияло царство Корпораций, секретных лабораторий, просторных офисов, сверхскоростных транспортных коридоров, видимой всем роскоши прикормленных башен Муниципалитета и реальной власти, которая была сокрыта за слепыми чёрными окнами.

А внизу... внизу жило искажённое отражение этой власти, мир жилых корпусов и заводских цехов, на сотни метров уходящих в землю.

Именно здесь, на грани света и тени, Улиссу становилось особенно не по себе. Слишком зыбкой была эта грань. Люди снизу забирались наверх, люди сверху

исчезали в вонючих глубинах. Соратники скользили в мутных водоворотах этого человеческого моря, навсегда перестав быть его частью. И они знали чётко, что нет мира здорового и богатого, нет мира больного и бедного, в этой самоорганизовавшейся клоаке по имени мегаполис всё было больным и прогнившим, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Именно здесь Улисс начинал чувствовать, в какую опасную игру они все ввязались, с каким монстром решила сразиться горстка разбросанных по планете людей, у которых даже помощников настоящих быть не могло – Корпорация была безгласна, оставаясь на виду, но не оставляя следов. Она должна была просто быть, исполняя свою миссию – закончить постройку «Сайриуса», а после... после должно было случиться то, о чём так мечтали правители «Джи-И», «Сейко», «Тойоты», «Эрикссона», «Три-трейд», десятков других гигантов и сотен их полуофициальных сателлитов.

Она должна была исчезнуть.

Улисс стоял над телом Армаля, и не мог собраться с мыслями. Война объявлена – они слишком долго ходили по краю, их начинают загонять в угол. Корпорация должна погибнуть, но она должна продержаться до старта, и ещё – должны выжить те, кто её составлял.

Иначе – всё бессмысленно.

И смерть Армаля тоже.

Улисс опустился на колени, проводя ладонью над телом. Они чувствовали друг друга на расстоянии десятков километров, с помощью Ромула они могли разговаривать, находясь в разных полушариях. Нельзя сказать, чтобы они дружили, но чувство взаимной симпатии – максимум, который они могли себе позволить, не оставляло их никогда.

Соратники не все были оперативниками – часть из них управляла сложной системой связей и финансовых потоков Корпорации, часть работала под прикрытием в недрах вражеских структур, часть возглавляла научные центры и конструкторские бюро, разрабатывающие спецтехнику для оперативников и блоки и конструкции «Сайриуса». Верхнюю часть структуры контролировали Соратники, хотя снизу доверху её знал, наверное, только Ромул. Соратники

из числа непосредственно задействованных в операциях знали много, и были в принципе готовы умереть при малейшей опасности, но тем не менее, гибель даже одного из них была реальностью, в которую не хотелось верить.

Они ещё не были готовы, им нужно было ещё время...

Но война началась, и откладывать на потом то, что неизбежно, уже было невозможно.

Улисс поднялся на ноги, отряхивая ладони. Теперь это всего лишь тело. Которое подчас может говорить о многом, но вести диалог – уже никогда.

Ещё раз проверив питание «глушилки», Улисс приступил к делу.

– Когда было установлено визуальное наблюдение?

Службист-оператор, которого, должно быть, сигнал вытащил буквально из постели, дрожал на сыром ветру и заметно нервничал от вида разверзшейся в паре метров от них пропасти. С чего бы. Ну, высота тут поболее, но все же люди привычные...

– По предварительным данным здесь проводилась операция, штатные наблюдатели были отозваны, он должен был пройти последний участок в одиночку. По крайней мере 14 минут прошло с момента поступления первого сигнала до прибытия группы.

Наблюдение за площадкой было установлено с нейтральных зданий – вот оттуда и оттуда.

Парень показал рукой примерное направление. Угол обзора был хороший.

– Но никакого движения обнаружено не было – кто бы это ни сделал, он ушёл. Штурмовая группа уже была на подходе...

– Но это уже было лишним. Ясно. Постороннее наблюдение замечено?

– Нет. Они, видно, страховались, как могли. В такой мути пучки оставляют вторичное излучение. Эфир тоже молчал, аномальной активности в сетях нам засечь не удалось, тут мы сильно ограничены...

– Вам не приходило в голову, что переговоров и не было, что это просто работал одиночка?

– Так точно. Косвенные данные не подтверждают работы большой группы оперативников или проведения развёрнутой операции. Некто мог прийти и уйти незаметно, но подразделение...

Улисс скривился, жестом останавливая изливания штабиста.

Одиночка.

Если это правда – только им подобный, потенциальный Соратник, мог справиться с Армалем так быстро и эффективно. И теперь его нужно будет найти. Впрочем, остаётся шанс...

– Что вы сумели раскопать?

– Почти ничего. Он был заблокирован каким-то мощным средством, анализ покажет точнее. Скорее всего – он уходил на крыле, выбирал площадку для посадки, но его ждали.

– Стреляли снизу?

– Да. Переломы – от неудачного приземления, он был обездвижен непосредственно в прыжке.

Улисс огляделся ещё раз – выбор Армаля был нелогичен – куда проще остаться на уровень выше, там легко выбираться, а не ломиться сквозь эту мешанину арматуры и проводов. Раз выбор нелогичен – как же его могли здесь ждать...

– Но не оставили же они по человеку на каждую платформу?..

– Да, место приземления выбрано словно случайно, значит всё-таки одиночка. Обогнал в прыжке, сбил, развернулся и дал залп в упор.

Улисс покачал головой, сам не веря в свои слова. Да он сам смог бы проделать нечто такое лишь с огромным трудом. И при изрядной доле везения. Кто же это такой?! Почему Ромул о нём ничего не знает? И кто из корпораций его нанял?

Дело усложнялось с каждой секундой... смерть Армаля сама по себе была событием настолько невозможным, что не могла не привести расследование в тупик.

– Сверхсовременные имплантанты? Активаторы нервных реакций? Экзоскелет-усилитель?

Парень сам не понимал, о чём он говорит. Никакие активаторы не позволят простому смертному справиться с Соратником. Впрочем, на что был способен выкладывающийся из последних сил Соратник, знали немногие. Улисс – знал, и вокруг было слишком... спокойно для подобного сценария.

– Возможно. Замеры воздуха брали?

– Брали, но всё это бесполезно, время прошло... да и атмосфера тут сами видите какая.

– Пусть прочешут до атома – любая наноинженерия оставляет следы. Любая химия – тоже. Ампулы на исследование – в том числе баллистическое. При таких скоростях остаются царапины даже от люфта держателя. Тело – упаковать, и тоже в лабораторию. Отснять каждый сантиметр вокруг. Фрагменты счистить с бетона, на анализ.

– Будет исполнено.

Так. Армаль должен был нести контейнер с информацией.

Эта старая игра в суперагентов, когда Соратники, отправляясь на операцию, глушили в себе скрытые таланты, не давая повода Корпорациям разыскивать нечто, неподвластное их пониманию... эта игра делала Корпорацию неуязвимой,

потому что не давала раскрыть самой сути своих высших составляющих, но каждый раз ставила под угрозу самого Соратника. И вот теперь груз Армаля исчез вместе с его жизнью, а хардкопия осталась в руках врага.

– Осмотр обнаружил на теле какие-нибудь носители, ёмкости, футляры, маяки, любую активную электронику, микропроцессоры?

– Нет. Если у него и был какой-то «груз», всё унёс убийца. Да, возможно, нападавшему хватило времени снять полноценный образ... ДНК-пробу...

– Зачем убийце это делать? – Улисс сощурился. О том, что Армаль был Соратником, никто не знал. Но парни дошли до этого сами. Иначе зачем он здесь, расспрашивает... обычные оперативники гибнут часто, и таких следственных действий никто устраивать не требует.

– Он мог знать, за кем охотится.

Улисс не стал отвечать. Он не мог доверять гипноблокам рядовых сотрудников, даже из оперативного корпуса Корпорации. Его новое лицо зачесалось, приклеенное наспех, так что под плёнкой остались пузыри воздуха. Чёрт бы побрал всю эту конспирацию. Но без неё было нельзя. Вместо ответа Улисс спросил:

– Ни одного следа внешнего наблюдения до сих пор?

Оперативник прислушался к каналу. В имплантатах было своё удобство. Улиссу, даже покуда он остаётся человеком, доступ к связи был заказан. Имплантантов в его теле не было.

– Да. Полная тишина. Они словно ждут, что мы предпримем.

– Угу, они уже добились своего на сегодня. Дальше будет продолжение, но сейчас они будут выжидать.

– Они, это кто?

– Они, это Корпорации. Не одна, несколько. Кто именно – мы и должны выяснить.

Вокруг суетились одетые в чёрную форму оперативники, стрекотали камеры, шуршали пакетики с инвентарными номерами, подлетело ещё два флайера – принадлежащих по базам чуть ли не лично руководству нескольких Корпораций. Пусть вычисляют. Остаться в тени и продолжать работать.

– Это... происшествие повторится?

Улисс усмехнулся. Догадливый парень.

– Наше дело сделать так, чтобы не повторилось. Сегодня у них кое-что вышло. Завтра уже не выйдет.

Помолчав, добавил, провожая взглядом покрытый инеем мешок, куда поместили обезглавленное тело Армаля:

– План пока стандартный – вы исследуете все образцы, возьмите пробы тканей. Нервную систему – не трогать. Как всё подготовите, материалы мне, после дадите мне пару минут наедине с телом. А я попытаюсь пока выяснить, что же он нёс.

– Будет исполнено.

Этот парень старается не выказывать своего настроения, однако он в панике. Нужно срочно что-то предпринять, иначе оперативники начнут дёргаться и совершать ошибки. Если взяли лучшего, Соратника, значит, они все – тем более под угрозой. Утечка произошла один раз, произойдёт и второй. Оборона Корпорации прорвана.

Оглянувшись напоследок на удаляющиеся чёрные машины, Улисс снова опустил голову и прислушался к себе.

Утечка – это ещё полбеды. Утечку вычислят. И вычислят быстро. Его волновал наёмник. Спецы такого рода у Корпораций долго не задерживаются, им проще работать на вольном рынке. Пока не случилось сговора... Ага. У Улисса появилась за сегодня первая здравая мысль. Это нужно будет тщательно обдумать.

И ещё. Действительно ли убийца успел взять пробы и сканы с тела Армаля? Тот, кто готовил операцию, знал, с каким противником ему придётся столкнуться. Следовательно не только в утечке дело, за Армалем давно и очень тонко следили, не вызывая подозрения. Значит, это точно кризис. Но тогда, начиная игру, противник в лице хоть кого, должен был знать, что наша реакция будет мгновенной – сейчас вокруг скопилось столько наших агентов, что можно хоть начинать открытую войну. Рисковать, выясняя то, что они и так знали – «кто такой Жан Армаль», им смысла не было. Но если это и правда неопознанный наёмник-одиночка... Тогда он бы не удержался. Впервые в жизни встретив равного себе, он должен был попытаться узнать, кого убил.

Довольно. Поиграли в обычного человека. Пора снова становиться полноценным Соратником. Улисс стал там, где рухнул Армаль, развернувшись спиной к ущелью между башнями. Глаза закрыты, ладони расслаблены. Всё это неважно. Но так Улисс привык. Так ему было легче.

Мир проступал вокруг степенно и неторопливо – невидимое солнце, сырые стены, искрящиеся провода. Размазанные следы камер и анализаторов. Они ему не мешают. Ультрафиолет в этом климате не достигает и сотого этажа сверху. Они были на сто двадцатом. Любой след будет означать остатки рентгеновского всплеска. Убийце нужны были детали скелета и проба ДНК. Остальное слишком ненадёжно. Проба – вырвать пару волосков, никто и не заметит, а вот рентгеновский аппарат, даже портативный инженерный...

Едва заметное белёсое облако курилось над строительным покрытием – едва заметное облако атомарного кислорода.

Улисс открыл глаза, выдыхая. Взятые пробы должны подтвердить. Здесь пользовались эксрей-аппаратом[б - X-rays (англ.) – рентгеновские лучи], импульсно, на максимальной мощности, спешили.

Игры, игры, игры под прикрытием игр. Корпорация-заказчик могла организовать всё это самостоятельно, с риском для всей операции сознательно подводя Улисса к мысли об одиночке. Они могут хотеть заставить его нервничать. Главного – смерти Соратника – они уже добились, почему бы не попробовать продолжить начатое – уже на поле подозрений и интриг?

Нужны доказательства. Если он пойдёт по ложному следу, начнёт гоняться за тем, кого не существовало вовсе... или, наоборот, упустит одиночку, это будет куда хуже смерти Армаля.

Улисс понял, ему нужно срочно поговорить с Ромулом.

Выбраться отсюда оказалось ещё сложнее, чем сюда попасть. Личному транспорту, хоть сколь угодно анонимному, он предпочитал общественный. Лабиринты мегаполиса были его домом, тут он чувствовал себя куда уверенней, чем за бронированным корпусом флайера. Пришёл пешком, уйдёт так же.

Как и всякое нейтральное пространство, площадка представляла из себя замусоренную мешанину не функционирующих цепей и никому не нужных аппаратов. Что-то здесь, конечно же, работало, занимать просто так технический уровень не стал бы даже погрязший в своих мелочных дрызгах муниципалитет, но протиснуться в этом лесу железного хлама удавалось лишь с большим трудом. Небольшая дверца, прикрытая неработающим запором, вела в технические коридоры здания. Здесь можно действовать безопасно – ничто так не скрывает следы, как старые кабели, истёртое оптоволокно, громоздкие устаревшие усилители и высоковольтные «гирлянды». В этом хаосе любой тонкий отпечаток будет затёрт посторонними энерговсплесками сквозь протёртую изоляцию, запахи уничтожит сочащийся отовсюду озон. А ещё здесь было полно крыс – огромных, рыжих и чёрных, с локоть длиной. Нет, не просто так Армаль шёл именно сюда. Идеальный путь для ухода от слежки. Индивидуально же его никто бы преследовать не мог.

Или, всё-таки, мог?

Сложность его задачи заключалась в самой её постановке – кто-то убил одного из них, причём убил в одиночку. Ему нужно понять, возможно ли такое. И ошибиться он права не имеет.

Три пролёта крутой винтовой лестницы, потом тёмным коридором до конца, там нужно аккуратно вскрыть запертый люк, водворить его на место, и вот Улисс уже шагает по полуосвещённым переходам жилых уровней – не жильё сильных мира сего, так, клерков нижнесреднего звена. Формально они не состоят на службе у Корпораций, но от каждого тянется, а то и не одна, ниточка куда-то вдаль. Жить нужно всем. И всем хочется жить лучше. В мегаполисе это важнее

личной жизни, важнее здоровья и исполнения тайных мечтаний. Если выслужись – получишь всё. А нет – можешь полететь на самое дно. Все помнили о трёх уровнях ниже последней транспортной платформы. Чёрные окна, чёрные стены, чёрные люди. Улисс там провёл не один год своей жизни. Он знал, каково это.

Так, обойдёмся без лифтов. Там везде хорошие камеры, купленные, надо полагать, на пожертвования кого-то неназванного. Для безопасности, конечно. От террористов. Если те не финансировались из тех же благотворительных источников. Улисс помнил, как в одночасье рухнула административная башня Ирдис-4. Никакие камеры видеонаблюдения, сканеры отпечатков пальцев, суперсовременные интеллектуальные пропуска людей не спасли.

Улисс покопался в кармане, извлекая подходящую к случаю карточку. Сотрудник «Джи-И» с неприметной фамилией и такой же невразумительной внешностью. Пока сойдёт. А потом посмотрим.

Выходя, Улисс поздоровался с консьержкой, та буркнула что-то в ответ. Теперь она его примет за кого-то другого, из местных. «Приятный такой молодой человек, здороваётся всё время». Куда уж, молодой.

Спустя полчаса дешёвая местная канатка несла Улисса сквозь бетонный лес зданий, он задумчиво смотрел сквозь холодное, покрытое конденсатом стекло и всё вертел так и эдак обстоятельства сегодняшнего дня.

Нужен был Ромул, без него нити не укладывались в единый узор, обрываясь в никуда. Нужно было найти безопасное место. И поговорить.

Быстро темнело, над мегаполисом скапливались тучи, люди спешили проскочить между дверьми и козырьком транспортной платформы, вжимая плечи от сыплющей с неба жёлтоватой мороси. Проскользнул в раскрытые двери портала и Улисс. Снова безотказная карточка, сканнер системы безопасности, какие-то переходы, лестницы, лифты. Одна из многочисленных конспиративных квартир, открывавшихся личными кодами оперативников. Он быстро проверил помещение на предмет жучков и вообще посторонней аппаратуры – не из-за боязни слежки, Улисса просто вечно что-нибудь сбивало, заставляя тратить на всё лишние силы. А силы ему сейчас пригодятся.

Намертво заблокировав дверь, он скинул одежду и присел на небольшой диванчик, что был тут чуть ли не единственным предметом обстановки. Ставшая ненужной личина смятым комком силикоплоти полетела в угол. К чёрту всё.

Вдох-выдох. Он и вправду слишком устал сегодня.

Мир угасал, сливаясь в одно бесцветное марево, сквозь которое вдруг проступили яркие острия звёзд. Звёзды – днём. Когда и солнца не видать. Улисс не сразу научился не бояться этого, оставаясь самим собой даже там, где никого и ничего уже не было. Где всё становилось единым, безликим и единообразным. Где были только они – Соратники.

Ромул.

Я слушаю.

Я не могу принять решение. Мне нужно, чтобы ты помог.

Я слушаю.

Урбан погиб, его загнали в ловушку и обездвижили, потом он убил себя.

Да.

Что ты почувствовал в этот миг, мне нужна каждая деталь.

Я передам тебе всё, что знаю. Но сперва расскажи мне о своих сомнениях.

Игра в игре. Утечка была, несомненно. Но к кому она ушла? Игроками являются Корпорации и неизвестный одиночка, который сумел справиться с Урбаном. Корпорации его могли нанять, но он мог играть и за себя. Корпорации могли симулировать нападение одиночки. И, наконец, Корпорации могли симулировать симуляцию нападения одиночки, укрывая тем самым агента от наших глаз. Узловые моменты – был ли убийца один, зачем он снял пробы с тела Армаля – для отвода глаз, если это игра Корпораций, или для возможного прикрытия своих тылов, если это был наёмник. Как-то произошло так, что трасса ухода Урбана от преследования была просчитана, причём так точно, что он не сумел

противодействовать успешному перехвату и приказал себе умереть. И ещё...

Говори.

Действительно ли было задание пытаться взять его живым, ждал ли наёмник подкрепления или транспорта? Я ещё не знакомился с результатами анализов, но скорее всего они дадут лишь уточняющие детали, не раскрывая главного. Мне нужно твоё знание, Ромул. И... мне нужно будет поговорить с Армалем.

Он ничего не скажет. Мозг ещё мог хранить ответы, но периферийная система... Я знаю, я пробовал говорить с Лилией, когда произошёл тот несчастный случай. Она была чиста даже для меня. Ни единого образа. А на твой вопрос я попробую ответить, но... но окончательный вывод будет всё-таки за тобой. Вся информация будет только у тебя в руках, помни об этом.

Благодарю, Ромул.

Не благодари раньше времени. Скажу тебе ещё вот что – ваши операции действительно шли одновременно, но оба информационных пакета, что вы несли, не содержали по отдельности ничего такого, за что можно было бороться столь агрессивно. Им нужно было перехватить только один пакет, чтобы сорвать всё, и они с задачей справились, но конечной целью, я теперь вижу, были именно вы. Точнее – целью был Урбан, ты был уязвимее, но прошёл благополучно. Учитывая результат, такой план контроперации против нас говорит либо о том, что мы имеем дело с неизвестным Соратником-одиночкой, не знающим о Корпорации, или с координированным отпором сразу нескольких финансовых группировок с самой вершины Олимпа.

Либо...

Да, Улисс, либо и с тем, и с другим одновременно. Потому ты должен копать по всем направлениям. И накопать обязательно. Потому что это война. Если она объявлена нам даже одними «Эрикссоном» с «Джи-И», это уже требует такого жёсткого ответа, на который мы только способны. «Сайриус» ждёт на стапелях. Мы должны успеть доделать все дела здесь и сохранить достаточно сил, чтобы продолжить свою миссию после возвращения.

Да, Ромул. Я понял. Ты всё-таки считаешь, что игр было несколько.

Считаю, что сплочённость возможной коалиции против нас будет расти, если вовремя не начать ей противодействовать. И одиночка тут – основной фигурант. Это может стать причиной срыва всех планов. Такой инструмент в их руках... У тебя нет времени в запасе, Улисс. А теперь прими, что почувствовал я.

Улисс не успел собраться – его захлестнул несущийся навстречу поток сырого воздуха, сбитые, захлестнувшие в полёте крылья били его по лицу, не давая сориентироваться. Удар был ошеломителен, и теперь он отчаянно пытался вырваться на последнюю оставленную ему площадку...

Выстрел пришёлся в грудь, выворачивая его тело вправо, навстречу второму. Его стремительно каменеющие мышцы ещё пытались превратить беспомощное падение в контролируемый прыжок, когда он боком рухнул на бетон, превращая свой усиленный скелет в костяную кашу, сочащуюся пульсацией крови. Рядом кто-то был. Белая вспышка боли, и ничего не стало.

Улисс чуть не утратил контакт с Ромулом, боль словно была его собственной болью, казалось, будто это осколки его костей пробивают кожу, а мышцы каменеют, разбиваясь о мокрый бетон. Но последнее, что успел почувствовать в момент гибели Армаля Ромул, он всё-таки заметил.

Армаль оставил на убийце метку.

Да, Улисс. И, похоже, убийца там был один. Всё произошло точно по твоей реконструкции. Советую проверить лабораторные анализы, но, скорее всего, ты и в этом прав – деталей интриги место смерти нам не даст. Оно может лишь уточнить наши предположения.

Я всё-таки хочу попробовать с ним поговорить.

Поговори. Ему от этого будет легче, поверь мне. Но не жди, что ты почувствуешь хоть что-то.

Я всё-таки попробую.

Контакт прервался, оставалось лишь лёгкое чувство сопричастности, эмоциональная связь на грани небытия, которая никогда не обрывалась. Ромул

был с ними, а они оставались Соратниками.

Прийти в себя и выйти было делом пары минут. Новая личина была прилажена уже как следует, ходить в ней придётся весь день. Улисс был собран, мысли его не метались, хотя под ложечкой и поселилось чувство обречённости. Ромул самоустранился от смерти Армаля. Значит – всё ещё хуже, чем он думает. Судьба Корпорации важна для всех, но важнее Корпорации был «Сайриус», только он имел высший приоритет. А потому, если Улисс не справится с локальным кризисом, его подстраховывать будет некому.

Уже завертелась по всему миру машина Плана, и все силы отданы ему. Значит, рассчитывать можно только на себя, да ещё на то, что в любую секунду тебе могут приказать забыть об Армале. И отправиться туда, где нужно будет затыкать очередную брешь в сложнейшем механизме, которым мог управлять только Ромул.

Лаборатория затерялась среди сотен таких же полулегальных, принадлежавших непонятно кому исследовательских бюро. В соседнем офисе могли пытаться строить мутные схемы игры на бирже, а могли рассчитывать и геном нового сорта пшеницы. И то, и другое было откровенно нелегально, и то, и другое пользовалось спросом на корпоративном рынке и на подпольщиков закрывали глаза, стараясь при возможности переманить сотрудников мелких фирм на корпоративные оклады.

В этой лаборатории что-то тоже исследовали, но только для вида, чтобы прикрыть закупку дорогостоящего оборудования. Улисса встретил тот «штабной», что руководил агентами на площадке, он стал теперь ещё бледнее от усталости и неуверенности. Сказать ему было почти нечего.

– Токсин идентифицирован?

– Точную формулу мы узнаем ещё нескоро, это довольно сложное соединение, пока есть только основные элементы. С механизмом его работы ещё сложнее. Высокотехнологичная штука. Псевдобелок с механизмом деления. Макровирус. В обычной лаборатории такого не синтезировать, даже если засадить за работу наших спецов.

– Они хотели быть уверены в результате, раз в ход пошли секретные боевые реагенты?

– Да, скорость реакции на нервных окончаниях поразительная. Мышечная ткань блокируется специфическими восстановительными реакциями на сарколемме и базальной мембране. У обычного человека не было бы шансов.

– Обычный человек умер бы и от стольких переломов. Значит, он боролся?

– Да. Мы не обнаружили термических следов на осколках черепа.

– Зато обнаружили чрезмерное окисление.

– Как вы узнали?

– Догадался. Следы ионизации в пробах воздуха. Озон. Вот тебе и окисление. Так? Ладно.

Улисс потёр виски, собираясь с мыслями.

– Баллистическую экспертизу ампул провести по полной программе. Мне нужен производитель. И ещё – все агентурные сведения, в каких лабораториях ведутся исследования с подобными псевдобелками. Остальное оставьте, и так всё понятно.

Нужно с этим быстро разобраться, очень быстро, как можно быстрее. И почему так себя ведёт Ромул? Он должен был хоть на секунду оторваться от своих планов ведь их так мало, так мало, и гибель каждого из них... Непонятно. Это кризис, чёрт побери, это кризис.

Мне нужно тело.

Он не произносил это вслух, но люди вокруг словно разом почувствовали незримый приказ. Комнаты опустели, даже освещение будто угасло, стало тусклым, едва намечая тени предметов.

На белом лабораторном столе лежал завёрнутый в серебристый кокон предмет. От него отчётливо веяло холодом, как от стылой мёртвой железки, забытой кем-то на теплообменнике охладителя, впитавшей жуткий нездешний мороз и теперь отдающей его окружающему миру.

Армаль при жизни был тёплым, почти домашним. Он был самым человеческим из них, в нём почему-то осталась доброта и мягкость, которых Улисс себе позволить не мог. А теперь... вот так. Нужно было что-то сказать, пусть самому себе, пусть просто так, для очистки совести – последнего эмоционального императива, который Соратники ни при каких обстоятельствах не могли себе позволить утратить. Но слова не шли. Улисс вдруг ясно почувствовал, почему он должен раскопать это дело. Не ради Корпорации или успешного старта «Сайриуса», не ради смутного будущего, которое у человечества было и не было. Нет.

Он должен Армалю, его памяти, а ещё он должен самому себе. Той полузабытой части своей души, что оставалась человеком, а не машиной для приведения в действие планов Ромула. Нужно найти убийц Армаля, принести их имена, и спросить. Ромул не уклонится от встречи, не сможет. Он будет должен сам спеть похоронную песню всем тем, кто ещё погибнет.

Улисс шагнул к телу, раздирая прочную скорлупу термостата. Ему нужно поговорить, поговорить с Армалем так, как не говорил с ним при жизни никто.

Армаль оставил на убийце метку. Нужно увидеть её, почувствовать, и не пропустить под сотней самых изощрённых личин. Ромулу нужны ответы, он чужд личной мести. Но Улисс был воином, и ему нужен был взгляд врага. Последний. Для одного из них. Двоих.

Улисс очень долго был одинок. С убийцей их станет двое. Целый космос посреди сырого бетона городских высоток. Они. Да, они. Вместе, до конца.

Кора появилась в моей жизни неожиданно, в то тревожное время, когда начались мои неприятности. Утром я не знал, что ещё выкинет очередной день, а на улице бушевала вышедшая из-под контроля природа. Мощные циклоны лета 2080 года проносились над Европой, вгрызаясь в глыбы мегаполиса, делая нашу жизнь всё более невозможной. Снижение урожайности, инфляция

официальной валюты, всё кричало о том, что «спокойные семидесятые» заканчиваются. Кликуши Корпораций продолжали разрушать последние остатки государственного самоуправления, расслоение общества принимало такие формы, что люди буквально были готовы рвать друг другу глотки – не только в жилых многоквартирных домах окраин, но и во внешне благополучных университетских городках. Но мне, шестнадцатилетнему, было не до разговоров о надвигающемся хаосе под пятой у Корпораций, и без того контролирующих всё и вся – хотя в школе очень любили покричать на собраниях под присмотром учителей, я думал только об очередном приступе, заставшем меня по пути домой. Если бы я знал, в какой ад выльются эти первые позывы моего истинного естества.

Инстинкт, просыпающийся во мне, как во всяком загнанном звере, требовал найти точку приложения моих новообретённых сил, смысл собственной жизни. Я помогал матери, но она уже была так замкнута в себе, что едва отвечала на мои попытки установить с ней хоть какой-то контакт. Мартин тоже упорно держал меня на расстоянии, пресекая мои попытки поместить его образ на место погибшего отца. История четырёхлетней давности никуда не делась, я ловил на себе его странные взгляды, но разговаривать со мной он не желал, избивая меня раз за разом в тренировочном зале. Пару раз это заканчивалось плохо, но один раз и я сумел его достать, так что Мартин два месяца ходил в шине, став с тех пор со мной осторожней.

В последнее время он вообще стал куда-то так часто пропадать, и мне оставалось только гадать, что происходит. Никто из моих школьных приятелей или знакомых по занятиям у Мартина не был мне достаточно близок, а угловатые фигурки одноклассниц вообще вызывали во мне только настороженность, все они казались мне полными дурами, думающими только о дискотеках и палочке какой-нибудь в меру приятной курительной гадости.

Кажется, я уже вполне ощущал себя особью мужского пола, но осознание это лишь добавляло мне хлопот. Меня тянуло уцепиться хотя за кого-то в этой жизни, прорвать многолетний круг молчания, выговориться, но любая такая попытка натыкалась на грубую реальность – я никому не был нужен со своими проблемами, играть в любовь я не умел и не хотел, чужие же проблемы в нашем мире уже давно никому не были нужны. Я наблюдал в окружающем меня мире городских молодёжных банд такие кошмарные примеры того, что у нас называлось «волочиться за юбкой», что я раз и навсегда решил, что всё это – не для меня, по крайней мере здесь, в кварталах. Я видел девушку своей мечты

другой, совсем другой, не в бесформенном комбинезоне, а в лёгком старомодном сарафане. Без этой чёртовой палочки в зубах. С букетом цветов.

Хотя, я уже почти и не помнил, что такое цветы. Или всё-таки помнил? Я уж, верно, привык и к тому, что забыть хоть малейшую мелочь для меня – плод страшных усилий и ночных кошмаров. В любом случае, я в свои шестнадцать лет ни разу не «пихался», вдвойне опасаясь неожиданного наступления кризиса, а нечастые посещения увеселительных мест выливались в тупое угрюмое подпирание стены. Оставалось молча тренироваться и зубрить все школьные предметы, которые по окончании могли бы мне помочь выбраться отсюда и увезти маму.

Кора появилась в моей жизни так неожиданно, что я растерялся. Ежедневная рутина – школа, тренировочный зал, сон – накрепко приучила меня к тому, что ничто вокруг меня не может измениться, разве очередной шторм обрушит наш чёртов квартал. А потому... тот день я помню, как вспышку, яркий свет, озаривший моё сумрачное бытие.

Она появилась в классе под конец урока естествознания, заменявшего нам, убогим, нормальную физику. Очередное, уже с самого утра заметно нетрезвое училище вещало нам что-то из-за кафедры, на которой были расставлены дрянные мониторы, изображавшие схему формирования тропического циклона. Я всё это уже прочитал в методичках, так что теперь хмуро уставился в крышку стола и думал о своём. Вокруг меня бляело козлиное сообщество моих сверстников, кто-то шипел и требовал тишины, но это были «умники» и на них никто не обращал внимания, особенно возмущающимся обещая намылить в перерыве шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ЗСМ – зона свободного манёвра. Навигационный термин, означающий область пространства вблизи гравитирующих центров, лишённую краевых вихревых гравитационных возмущений, затрудняющих навигацию и, в частности, прыжки кораблей.

2

ЗВ – зона влияния. Астрономический или навигационный термин, означающий область пространства, в которой планета или иной объект является преимущественным гравитирующим центром.

3

Вынужденная или несвободная траектория – любая траектория, отличающаяся от возможного движения под воздействием суммы внешних сил. Обозначает наличие у тела собственного движителя (искусственного происхождения).

4

Ай-би – информационный браслет, универсальное средство связи, терминал т.н. «тонкого клиента» – распределённого компьютера

5

Хексовый символ – шестнадцатеричное машинное число

6

X-rays (англ.) – рентгеновские лучи

Купить: https://tellnovel.com/ru/korneev_roman/vremya-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)